

Тайна Дамы в сером

ОЛЬГА
СТРОГОВА

испытание ч у в с т в

Ольга Строгова

Тайна Дамы в сером

«ЭКСМО»

2014

Строгова О.

Тайна Дамы в сером / О. Строгова — «Эксмо», 2014

У нее необычное имя – Аделаида. Она похожа на даму в сером с портрета шестнадцатого века. Те же строгие черты, та же загадка, притаившаяся во взгляде, в уголках сжатых губ... Ее жизнь можно сравнить с озером, скованным льдом. Но только до той поры, пока в провинциальном тихом городке не появляется некто профессор Роджерс...

© Строгова О., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

2000 год, где-то на Северо-Западе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Строгова

Тайна Дамы в сером

2000 год, где-то на Северо-Западе

В среду утром невыспавшаяся, хмурая Аделаида Максимовна вяло жевала бутерброд с сыром, запивая его жидким чаем без сахара, и слушала прогноз погоды по радио. Завтракала в одиночестве – муж с утра пораньше уехал в институт читать лекции студентам искусствоведческого отделения.

Март в этом году выдался на редкость холодный и снежный. Аделаида со вздохом надела длиннополую рыжую дубленку, которую носила, не снимая, с середины ноября, теплые разношенные сапоги на низкой платформе, прихватила плотно набитую бумагами сумку и отправилась в школу.

В холле уборщицы, зевая, сгребали нанесенную первой сменой снежную грязь. По пути Аделаида заглянула в застекленное окошечко вахтерской: новый вахтер был уже на месте – степенного вида мужчина лет шестидесяти, в очках с золотыми дужками на мясистом носу, с редкими седыми волосами. Он с достоинством пил чай из стакана с подстаканником и читал газету «Известия».

Аделаида открыла своим ключом массивную, обитую черным дерматином дверь приемной. Часы на стене (овальные, в ореховом корпусе, подарок родительского комитета к последнему Дню учителя) показывали четверть десятого. В очередной раз дав себе обещание поговорить с секретаршей Манечкой о ее трудовой дисциплине, Аделаида прошла к себе в кабинет, разделась и достала принесенные из дома бумаги. Манечка, впрочем, явилась вскорости – Аделаида как раз успела добраться до подпункта 3 пункта 2 параграфа 1 новой инструкции по составлению годовой отчетности. Вначале послышался грохот (Манечка захлопнула дверь в приемную), потом глухой удар (Манечка швырнула сумку с продуктами на свое секретарское кресло), скрежет заедающей застежки-«молнии» на правом Манечкином сапоге и наконец ее звонкий голосок:

– Лешка! Встал?! Поел?! Сейчас же садись за уроки!

Свой трудовой день Манечка неизменно начинала с телефонного воспитания сына-шестиклассника, который учился во вторую смену. Отца у Лешки «не было и не предвидится», как выражалась завхоз, острая на язык женщина, но Манечка не унывала. Она была маленькая, подвижная и жизнерадостная, как воробей.

Кудрявая Манечкина голова просунулась в дверь.

– Здравсте, Ид-Симна! Вчера, когда вы уехали на семинар, заходил Горчаков! Сказал, сегодня в десять опять придет... Еще из бухгалтерии звонили – денег до пятницы не будет точно, а насчет понедельника они не знают! А еще Васильева в декрет собралась, уже написала заявление...

– Как – в декрет?.. – опешила Аделаида, по привычке выделив из потока информации самое неприятное. – Ей же еще пять месяцев до родов...

– А, говорит, врачи не советуют, больно работа вредная! Я, говорит, 8-й «Б» видеть больше не могу, у меня, говорит, от них угроза выкидыша...

– Хорошо, – сказала Аделаида слабым голосом, чувствуя, что прошедшая было мигрень неумолимо возвращается на исходные позиции, – позови ее ко мне, пожалуйста.

Разговор с единственной в школе учительницей физики, решившей на сороковом году жизни родить третьего ребенка, съел все оставшееся до десяти время. Аделаида упрашивала будущую мамашу хотя бы довести до экзаменов выпускные классы, предлагала льгот-

ный режим работы, индивидуальный график, премию, грамоту от гороно, ласково улыбалась, в общем, кружила около нее, что твоя кошка возле сметаны, – и уломала-таки, уговорила, пообещав клятвенно, что с 8-м «Б» драгоценнейшая Ирина Андреевна не пересечется даже в школьной столовой.

Когда Васильева выплыла из кабинета, Аделаида достала из ящика стола и приняла первую за сегодняшний день таблетку «от головы»; затем сделала первую же пометку в своем пухлом затрепанном ежедневнике – позвонить вечером физичке из 2-й школы, предложить совместительство.

Ровно в десять явился Горчаков, известный в городе владелец сети продовольственных магазинов «Тройка», – вошел, отдуваясь, в приемную, брякнул шоколадку на Манечкин стол, сказал ей комплимент по поводу новой стрижки. В кабинет вступил с кожаной папкой в руках, тихий, вежливый, заговорил о погоде. Аделаида поддакивала, выжидательно улыбаясь. Ничего особенного Горчаков-младший за последнюю неделю не натворил, разве что был пойман с незатушенной сигаретой в кабинете химии; но по сравнению с предыдущими подвигами это была мелочь, пустяк, не стал бы его папаша из-за этого беспокоить себя, нести свои тела на второй этаж по крутой школьной лестнице с искалеченными перилами.

Оказалось, именно о перилах и пришел говорить Горчаков-старший, и не только о них. В кожаной папке имелся план ремонта лестничных пролетов и замены линолеума в холле первого этажа, с полной финансовой выкладкой. Сумма получалась немаленькая; Аделаида Максимова посмотрела на бизнесмена вопросительно, слегка приподняв тонкие брови над ясными серыми глазами. Тут Горчаков с важностью заявил, что школа, в которой учится его единственный сын, безусловно, достойна не только новых перил; в будущем году хорошо бы отремонтировать и кабинет информатики, а там можно было бы подумать и о замене устаревших мониторов на более современные... За счет спонсоров, разумеется, в числе которых он, Горчаков-старший, видит в первую очередь себя.

– Вы, стало быть, хотите, – спросила Аделаида, – чтобы Саша учился у нас и в десятом классе?

Горчаков немедленно отозвался в том смысле, что да, хотелось бы, чтобы у мальчика был приличный аттестат.

– У него же чистые двойки по четырем основным предметам! Поймите, Дмитрий Алексеевич, мы можем выставить ему «удовлетворительно» в аттестат об окончании девяти классов, в этом мы согласны пойти вам навстречу, но перевести его в десятый класс... Это невозможно! Немыслимо! Помилуйте, он же делает до пятнадцати ошибок в каждом диктанте!.. И, простите меня за откровенность, путается в таблице умножения!..

– А зачем ему таблица умножения, если есть калькулятор? – добродушно пошутил Горчаков, накрывая своей влажной мясистой ладонью кисть Аделаиды. – Да и писать ему особо не понадобится – на то есть секретари...

Аделаида осторожно высвободила руку.

– Это невозможно, – повторила она как можно более твердо.

Горчаков встал.

– А вы все-таки подумайте над моим предложением, – сказал он внушительно, глядя сверху вниз на сидящую директрису, – обсудите его с коллективом. И насчет успеваемости не тревожьтесь: я ему репетиторов найму, по всем предметам.

После его ухода Аделаида еще долго сидела в неподвижности, чувствуя, как алая краска заливает ее щеки. Она то корила себя за то, что не смогла с должной решительностью и сразу отказать бизнесмену в его притязаниях; то вспоминала, как в прошлом году Горчаков по собственной инициативе отремонтировал учительскую; то думала о том, что очередное ходатайство в городскую администрацию о средствах на ремонт спортзала, где в полу зияли глубокие

трещины, а стены напоминали абстрактные полотна серо-зеленых тонов, скорее всего, снова останется без ответа.

Ее размышления прервала своим приходом Мария Александровна, завуч начальных классов, женщина спокойная и рассудительная; Аделаида обрадовалась ей.

– Вот, – заговорила она сразу после традиционных вопросов о здоровье и внуках (у Марии Александровны их было четверо), – инструкцию новую прислали. Мария Александровна, голубушка, не займетесь?..

Завуч неторопливо пролистала инструкцию, задержавшись взглядом на последней странице.

– Что же, – сказала она, – это можно. Это мы напишем. А вот что нам делать со 2-м «А»?

– А... что со 2-м «А»? – осторожно спросила Аделаида, догадываясь, впрочем, какой будет ответ.

– Опять у родителей конфликт с учительницей. Восемь человек жалобу написали в гороно. Я там была сегодня, так они мне все эти жалобы и передали, – и Мария Александровна выложила на стол перед Аделаидой стопку помятых тетрадных листков в клеточку. – Тут и на нас с вами, Аделаида Максимовна, жалуются – мол, обо всем знаем, а мер никаких не предпринимаем, – и она откинулась в кресле, сложив руки на объемистом животе. Молодая еще, думала Мария Александровна, глядя на свою начальницу с определенным сочувствием, неопытная (Аделаиде этой весной исполнялось сорок семь, а директорствовала она второй год), лицо-то какое растерянное; ну да ничего, пусть учится... Мы тоже всему на своей шкуре учились.

Нелюбовь директрисы к конфликтам и активное нежелание в них разбираться были хорошо известны в школе. Обычно Аделаида Максимовна поручала это ответственное дело своим заместителям (в том числе и завхозу); на сей раз, однако, тетрадные листочки с родительскими кляузами остались лежать на директорском столе. Зато там больше не было инструкции по оформлению годовой отчетности.

В полдень заглянула Манечка, отпросилась до трех к зубному врачу; затем пришел трудовик с ящиком инструментов – чинить заедающий нижний ящик письменного стола.

Трудовик ступал по ковровому покрытию кабинета медленно, осторожно, слегка вразвалку, словно бывалый моряк, впервые оказавшийся на суше после многомесячного плавания. Аделаида, прищурившись, втягивая чуткими ноздрями несущий трудового ветер, наблюдала, как он пересекал пространство от двери до стола. Убедившись в том, что он благополучно пришвартовался и в ближайшее время не собирается пойти ко дну, Аделаида покинула свой кабинет.

По боковой лестнице она спустилась на первый этаж, где размещалась начальная школа. Прижавшись к стене, пропустила шумный, горлающий, размахивающий рюкзаками поток – у третьеклассников отменили последний урок, и они спешили на волю. Подойдя к двери 2-го «А», директор постояла минуту-другую, прислушиваясь, потом осторожно заглянула внутрь.

В классе было пусто – дети ушли на физкультуру, а на учительском месте сидела практикантка Оксаны Георгиевны Бельской, студентка местного педучилища. Узнав от нее, что Оксана Георгиевна с сегодняшнего дня на больничном, Аделаида малодушно обрадовалась отсрочке неприятного разговора.

До педсовета оставалось еще полчаса, и она решила заглянуть в столовую.

В столовой за учительским столом, покрытым бумажной скатертью и украшенным увядающей веточкой мимозы в стеклянной вазочке, сидело человек десять. На столе имелся разрезанный полуторакилограммовый торт «Прага»; Аделаида, отвечая на приветствия коллег, пыталась вспомнить, у кого же из них сегодня день рождения, но безуспешно. Ее выручила Мария Александровна, сообщив шепотом, что никакой не день рождения, а это Соловьева проставляется по поводу получения высшей квалификационной категории. Мысленно обругав себя за скверную память и не-внимание к людям, Аделаида поинтересовалась, как все прошло

(«высшую» давали не в местном отделе образования, а в областном центре, который жители называли просто Городом), затем поздравила литераторшу и похвалила ее за смелость и решительность, тактично намекнув сидящим за столом педагогам, что и им тоже следовало бы озадачиться – при их-то заслугах и многолетнем стаже...

Разговор за столом шел, впрочем, непринужденный – вспоминали прошедшие праздники, делились впечатлениями о недавно открытом новом обувном павильоне, обсуждали виды на погоду и перемены атмосферного давления. Немногословная директриса и сейчас говорила мало, но от кусочка торта не отказалась («Ну ее, эту диету! Все равно ничего не помогает!»).

* * *

На педсовете Аделаида пребывала в состоянии легкой расслабленности, можно даже сказать, полудремы. Все было как обычно – тихая монотонная речь докладчицы (завуч старших классов рассказывала о новых шагах в модернизации образования), шелест бумаг и перешептывание с галерки (там проверяли тетради и заполняли журналы); утомленный починкой директорского стола трудовик мирно похрапывал на последней парте у потемневшего окна, за которым бушевала метель.

Литераторша Соловьева, виновница торжественного чаепития, пришедшая после других и вынужденная поэтому сесть за переднюю парту, внимательно рассматривала свой свежий маникюр.

– Что же нужно современной школе, в частности, нашей школе, чтобы соответствовать... всем требованиям? – завуч старших классов слегка повысила голос, чтобы привлечь внимание к резюмирующей части доклада. Аделаида вдруг встрепенулась и обвела взглядом весь свой педагогический коллектив – тридцать пять человек.

Тридцать три женщины в возрасте от двадцати семи до семидесяти двух лет и двое... гм, в общем, трудовик (разбудил бы его кто-нибудь, педсовет все-таки!)... И физрук. Красное лицо, синяя спортивная форма, на груди – крошечный серебряный свисток. И взгляд – задумчивый, рассеянный, несколько удивленный, взгляд бывшего футболиста, которому слишком часто приходилось отдавать пассы головой.

Так что же нужно, чего недостает современной школе, чтобы соответствовать? Аделаида даже помотала головой и слегка прикусила губу, чтобы не высказаться по этому поводу вслух. Докладчица, впрочем, ничего не заметила и мирно продолжала бубнить про грядущее профильное обучение и всеобщую компьютерную грамотность педагогического состава.

Педсовет окончился за пять минут до начала второй смены.

Остаток рабочего дня директриса провела в компании завхоза, за подведением финансовых итогов третьей четверти.

Работать с завхозом Аделаиде было легко – и потому, что ей самой нравилась работа с цифрами (иногда гораздо больше, чем работа с людьми), и потому еще, что завхоз, в отличие от доброй половины педагогов, никогда не делала попыток обременить начальство своими личными проблемами.

Около половины пятого в дверь просунулась голова Манечки (с распухшей щекой и покрасневшими глазами) и страшным шепотом сказала:

– Ид-Симна, трубочку возьмите! Область!

Аделаида, положив линейку на последнюю выверенную строку ведомости, вздохнула и сняла трубку.

– Аделаида Максимовна, голубушка, – запело областное начальство, – как же я рада слышать ваш голос! Как здоровье? Все ли благополучно?..

Аделаида, время от времени вставляя вежливые реплики, терпеливо ждала, пока дама из областного комитета народного образования, курирующая их район, не соизволит перейти к существу дела. Когда же та перешла, Аделаида очень удивилась:

– Но... почему именно к нам? У нас же самая обычная школа...

– Как раз и нужна обычная российская школа! В небольшом городе! Таковы пожелания! Аделаида Максимовна, милочка, к кому же еще я могу обратиться с подобной просьбой, если не к вам! Только вы, с вашим тактом, с вашей... с вашим умением находить со всеми общий язык, сможете, без сомнения, достойно встретить и сделать пребывание иностранных коллег приятным и запоминающимся! Всего-то на две недели! К тому же это будет весьма полезным для вашей школы... дружеские, неформальные контакты... возможность будущих поездок...

– Ладно, – произнесла Аделаида, сдаваясь, – будь по-вашему. Пусть приезжает. Но расскажите мне хотя бы, что это за иностранные коллеги?

В трубке наступила небольшая пауза. Когда же заговорили снова, в голосе уже не было заметно прежнего энергично-дружественного напора:

– По правде говоря, я сама ее не видела, и никто из наших не видел. Мы получили сегодня утром письмо курьерской почтой, и звонок был из министерства с просьбой оказать всяческое содействие... Да, совершенно согласна с вами, немного странно. Только визитная карточка... Минуту, я сейчас прочту вам: профессор К. Роджерс, специалист по древнегерманской истории... директор лицея, если я правильно перевела с немецкого... и адрес: Цюрих, Лёвенштрассе... ну, тут еще телефоны. Вот и все.

– Я не говорю по-немецки... – зачем-то сообщила Аделаида. На что трубка тут же и заявила:

– Не сомневаюсь, что коллега из Швейцарии владеет английским.

Аделаиде, год назад окончившей бесплатные курсы английского языка для руководящих работников, организованные областным комитетом, возразить было нечего. Дама из области напоследок предупредила ее, что иностранный гость вполне может появиться уже завтра, пожелала дальнейших успехов, пообещала всяческое возможное содействие и наконец отключилась.

– Гости? – спросила завхоз понимающе. – Оттуда? Сколько человек?

– Один, – мрачно ответила Аделаида, – то есть одна. Тоже директор школы. Лицея.

– Могло быть хуже, – рассудительно заметила завхоз.

* * *

Аделаида вернулась домой в седьмом часу. Муж уже прибыл; на плите шумел чайник и закипала вода дляпельменей. Сам он находился в гостиной, в любимом продавленном кресле под торшером, как раз напротив телевизора, где внимательно изучал «Футбольное обозрение».

Когда-то давно (лет двадцать пять тому назад) он был веселым и очень подвижным молодым человеком; голову его в те времена покрывали буйные каштановые кудри, а дерзкие зеленые глаза не нуждались в очках, чтобы рассмотреть, хотя бы и на большом расстоянии, привлекательную молодую особу женского пола. Роста, правда, он и тогда был среднего, но телосложения весьма крепкого, без малейшего намека на будущую дряблость мускулов и отвисший живот. По профессии же он был археолог. Статной, сероглазой, мечтательной Адочке он представлялся кем-то вроде Индианы Джонса, и она даже пару раз съездила с ним в экспедиции – на алтайские курганы, а потом и в туркменскую пустыню Каракум, где под черными песками, опаленными безжалостным солнцем, искали они затерянный город Гюлистан – воспетую Омаром Хайямом страну вечно цветущих роз. Потом у них родилась Ленка, и Аделаида больше не ездила с мужем в экспедиции, а еще спустя несколько лет и сам он перестал ездить,

посолиднел, защитил кандидатскую, получил место на кафедре и хорошую должность директора местного краеведческого музея.

За ужином Аделаида хотела спросить его о чем-нибудь интересном из древнегерманской истории, но передумала; ответная лекция заняла бы никак не менее часа, а ее еще ждала грязная посуда и целый узел неглаженного белья.

Совсем уж на ночь глядя, когда Аделаида блаженно вытянулась под теплым одеялом, а рядом на тумбочке лежали очки для чтения и свежий «Караван историй», неожиданно позволила дочь. Она снова поссорилась со своим Вадимом и просила мать приехать на выходные.

После разговора с дочерью Аделаида долго не могла заснуть – вздыхала, ворочалась, прислушивалась к приглушенным плотно закрытой дверью звукам из гостиной, где все никак не мог кончиться безнадежно ничейный матч. Как это часто бывает при бессоннице, в голову лезли всякие ненужные и странные мысли. Вдруг показалось очень важным вспомнить хоть что-нибудь про эту самую древнегерманскую историю.

...Всхлипывающую Леночку оттеснил всадник в белом плаще с остроконечным крестом, в уродливом рогатом шлеме, на закованной в тяжелую броню лошади. А-а, псы-рыцари Тевтонского ордена, вспомнила Аделаида с облегчением, но тут же и рассердилась на себя – при чем тут Тевтонский орден, это же Средневековье, а не древняя история.

Всадник послушно растаял, но вместо него сразу же возник физрук, одетый почему-то в балетную пачку и мрачно топтавшийся среди дымящихся развалин спортзала. А дальше полезла и вовсе несусветная чушь, вроде разросшихся до колоссальных размеров классных журналов, которые с хриплым карканьем носились по школе и охотились за учениками. Аделаида мучилась до тех пор, пока не вспомнила, что завтра четверг, а значит, можно не сразу идти на работу, а зайти сначала в гороно, узнать новости с последнего аппаратного совещания. Мысль эта почему-то принесла Аделаиде успокоение, и она наконец заснула настоящим глубоким сном.

* * *

Трехэтажное, роскошное, когда-то облицованное мрамором по всему фасаду здание бывшего дворянского собрания за годы советской власти и последующей перестройки сменило немало хозяев. В просторных двусветных залах заседали комиссии по подразверстке, в гулких коридорах вышагивали суровые матросы Балтфлота в скрипучих кожанках, перехваченных крест-накрест пулеметными лентами, и кто-то в папаше, с красными от злой бессонницы и махорки глазами, сорванным голосом кричал с трибуны о близкой и неминуемой гибели мирового капитализма. На смену военному коммунизму пришел нэп, и в здании объявились товарищи в неприметных сереньких френчах и стриженные машинистки с «Ундервудами», а по коридорам с заклеенными плакатами стенами заспешили мелкие частники, желающие получить торговый патент.

После нэпа здание некоторое время простояло в запустении, а потом, в начале войны, здесь развернуло было военный госпиталь, очень хороший, с рентгеновской установкой, лабораторией и двумя полностью оснащенными операционными; но уже в сентябре сорок первого его пришлось эвакуировать за Урал.

После войны здание занял секретный институт. Окна первого этажа замазали мелом и оградили решетками, пышные кусты сирени перед фасадом вырубил и возвел трехметровый бетонный забор с колючей проволокой и мощным КПП. Штатские соседи – промтоварный магазин, парикмахерская, фотоателье – испуганно притихли за своими жалкими палисадниками, а граждане, ранее беззаботно пересекавшие площадь во всех направлениях, стали ходить исключительно по периметру.

Однако в начале девяностых институт съела конверсия.

Из-за вращающихся, залитых ледяным светом стеклянных дверей исчезли каменные лики охранников. Предприимчивые лаборанты сдали в цветмет колючую проволоку вкупе с валяющимися во дворе мотками силового кабеля. Оставшиеся в штате сотрудники торговали на местном вещевом рынке полупроводниковыми схемами. Здание снова осталось без хозяина, но ненадолго – в него вселилась первая демократически выбранная городская администрация. Забор убрали, кусты насадили снова, унылый серый фасад покрасили в яркий бирюзовый цвет. Отдел народного образования получил в свое распоряжение весь южный флигель.

Все лето и начало осени наробразовцы с удовольствием обустривались на новом месте. Но с первыми затяжными дождями начались неприятности: стала протекать крыша, сквозь тонкий слой краски проступила плесень, в стенах грелись и искрили электрические розетки. Наконец в кабинете заведующей обвалился кусок потолочной лепки, вдребезги разбив стоявший в углу гипсовый бюст Ушинского. Подкрашенный снаружи флигель требовал капитального ремонта.

С тех пор гороно в полном составе, с канцелярией и мебелью, ютилось в четырех комнатах цокольного этажа центрального здания. Сотрудники отдела с тоской поглядывали из низких окошечек на окруженный строительными лесами флигель, где краткие периоды активности сменялись значительно более длительными периодами полной бездеятельности.

В это утро в комнатках цокольного этажа было тихо и безлюдно. Обогнув небольшую пирамиду из сваленных в кучу картонных папок с архивными данными, методической литературы и вылинявших учебных пособий непонятного назначения, Аделаида попала в крошечный, но уютный закуток секретарши. Секретарша, трудившаяся над сложным компьютерным пасьянсом, встретила Аделаиду приветливо.

От нее Аделаида узнала, что заведующей сегодня нет и не будет – уехала в область на совещание; остальные сотрудники «в местных командировках». Насчет вчерашнего заседания у мэра секретарша была не в курсе, но полагала, что вопрос о деньгах на школьные нужды там точно не рассматривался. Зато стало известно, что ремонт верхнего этажа флигеля практически завершен, и, вероятно, уже на следующей неделе коллектив отдела народного образования сможет начать обратное переселение. Не евроремонт, конечно, но жить будет можно.

Аделаида поздравила секретаршу с радужными перспективами, отказалась от предложенного чая и поплелась к выходу.

Погруженная в свои мысли, она медленно шла по улице, не замечая, что метель, лютовавшая последние три дня, стихла и превратилась в отдельные легко порхающие снежинки, что небо утратило свинцовую угрюмость, а кое-где в тучах появился даже намек на голубое сияние.

«Где же денег-то взять, в самом деле? – терзалась Аделаида. – И с Леночкой нехорошо... опять этот мерзавец ее обидел... как приду, надо будет сразу ей позвонить!»

Позвонить сразу, однако, не удалось.

В школе бушевала большая перемена. Омываемая ее волнами, Аделаида поднялась на второй этаж, повернула к своему кабинету и тут увидела в противоположном конце коридора Ирину Львовну, старшую англичанку, которая беседовала у окна с каким-то высоким мужчиной.

Не будь Аделаида столь увлечена своими переживаниями, она, несомненно, обратила бы внимание и на непривычно оживленное лицо Ирины Львовны, и на стайку хихикающих старшеклассниц, которым срочно что-то понадобилось в расположенной поблизости учительской, и на широкие плечи незнакомца, стоявшего к шумному коридору спиной.

В приемной Манечка, напряженно закусив губу, докрашивала перламутровыми тенями левое веко. Правый глаз был уже полностью готов и вопросительно уставился на вошедшую начальницу. Аделаида хмуро покачала головой и прошла в кабинет.

– Да, Маня, – донеслось из кабинета минуту спустя, – я забыла тебе сказать... у нас тут могут объявиться иностранные гости.

Манечка, держа в одной руке зеркальце, а в другой, на отлете – щеточку с черной тушью, подошла к двери и заглянула в кабинет. Директриса сидела на банкетке у входа, держа в руках снятый сапог, и задумчиво разглядывала отклеивающийся верх. Совсем заработалась, решила Манечка, а вслух сказала:

– Да ведь, Ид-Симна, он приехал уже!

– Кто приехал? – сердито переспросила Аделаида. – Я тебе про гостью из Швейцарии говорю! Директор лица... как ее... профессор Роджерс!

– Ну, так и я о том же! Только это не она, а он!

В приемной слышались шаги и голоса. Манечка тут же исчезла, прикрыв дверь. Аделаида торопливо запихнула сапоги под шкаф, вытерла влажные руки о бумажное полотенце и повернулась к зеркалу. В зеркале отразилось бледное, ненакрашенное лицо с опущенными уголками губ и новой морщинкой на переносице.

В дверь постучали, и Аделаида, крикнув: «Войдите!» – поспешно отступила к своему директорскому столу. Больше всего на свете ей сейчас хотелось бы оказаться дома... одной... или чтобы Лена приехала сама, без Вадима своего.

Телефон выключить, дверь никому не открывать... Муж пусть будет в командировке дней на шесть... И никаких футболов по телевизору до двух часов ночи. Двоечников, техничек, штатное расписание, разбитые стекла, поломанные парты, родителей 2-го «А» – всех побоку!

Отгнав усилием воли эти соблазнительные, но бесполезные мысли, Аделаида Максимова приготовилась гостеприимно улыбаться.

* * *

Если бы Манечка вела дневник, для записей ей понадобились бы чернила разных цветов – и тяжелого густо-коричневого, и унылого фиолетового, и легкомысленной охры, и яростной киновари, и умиротворяющего голубого, и многих, многих других.

Манечка не была художницей, она просто воспринимала окружающий мир не так, как видят его другие, не столь эмоционально одаренные натуры. Все более или менее значительные события представлялись ей в яркой цветовой гамме, а иногда и в обрамлении музыкальных звуков и даже запахов.

Например, неожиданное получение денежного перевода от родителей, живущих в Туле, – и как раз в тот самый момент, когда аванса больше нет, до получки еще неделя и занять абсолютно не у кого. Пышное малиновое зарево под аккомпанемент серебряного голоса Луи Армстронга... И в морозном воздухе, расцвеченном бледными пятнами фонарей, аромат свежеспеченного пирога с печенкой и гречневой кашей.

(Если вы до этого в течение трех дней питались практически одной вареной картошкой и если вы *очень* любите пироги с печенкой, то вы, возможно, поймете, о чем мы...)

К утру боль после визита к стоматологу, мучившая Манечку всю ночь, наконец отпустила. Манечка блаженно вздохнула и свернулась клубком под старым пуховым одеялом, собираясь поспать еще часика два. В четырехкомнатной коммунальной квартире, где им с Лешкой принадлежала самая большая, восемнадцатиметровая комната с балконом, стояла бархатная тишина. Угомонился даже водопроводчик Костя из угловой комнаты, отмечавший с коллегами получение зарплаты.

Тихо посапывал на своем диване Лешка, снова пришедший из школы с распухшей губой и в порванной рубашке; у него под боком храпел и дергал лапами во сне старый облезлый терьер по кличке Босс.

Манечке же отчего-то не спалось. Мешало слабое, но ясное предчувствие чего-то необычного – бледный, едва заметный золотистый отблеск, словно перед самым восходом солнца, хотя солнца никакого не было и не могло быть – в такую-то метель. «Буря мглою небо

кроет, вихри снежные крутя...» – зубрил вечером Лешка, расхаживая по комнате с остановившимся взглядом и прижатым к животу Пушкиным. Вспомнив эту трогательную картину, Манечка улыбнулась и откинула одеяло.

На работу она пришла неслыханно рано, в половине девятого. На столе были грудой свалены папки с личными делами учащихся – не иначе, кто-то из завучей вечером копался, а на место их не поставил, – зато под папками обнаружилось несколько рукописных бумаг с пометкой «срочно напечатать и размножить». Кажется, некоторые из этих бумаг валялись тут с позавчерашнего дня, а вот этот приказ по поводу профучебы определенно кто-то спрашивал еще в прошлую пятницу.

Манечка решила разгрести весь этот завал. Заперла дверь в приемную, чтобы не мешали, и сосредоточенно, не отвлекаясь, работала часа полтора.

В одиннадцатом часу пришла завхоз звать пить чай в свою «каморку под лестницей». Дожидаясь, пока Манечка допечатает последнюю страницу, завхоз стояла у окна и наблюдала, как новый вахтер разгребает перед парадным входом снег.

– Кто-то к нам приехал, – сказала вдруг завхоз, отодвигая тюлевую занавеску, – «Опель Астра», цвет – мокрый асфальт, почти новый, на левом крыле небольшая вмятина...

– Вы так хорошо сквозь метель видите? – восхитилась Манечка.

– А метели никакой нет, кончилась. Вот-вот солнышко проглянет. Кто бы это мог быть? Подожди-ка... Иностранец какой-то. Тебе начальница ничего не говорила вчера?

– Отчего вы думаете, что иностранец? – спросила Манечка, поспешно вылезая из-за стола.

– Что ж я, иностранца от нашего мужика не отличу, что ли? – обиделась завхоз. – Иди сама посмотри. Блондин... высокий... на немца похож. Ой, Маня, а ведь я догадываюсь, кто это может быть! Пойду встречу, не то наш бдительный Игнатьич его застопорит!..

Манечка прилипла носом к окну, но никого уже не увидела. Иностранец, кем бы он ни был, уже поднялся на крыльцо, и от любопытных глаз его защищал обледенелый козырек.

Не прошло и двух минут, как гость, сопровождаемый завхозом, появился в дверях приемной. Манечка, торопливо взбивавшая перед зеркалом пышную вороную челку, обернулась и замерла.

Золотое сияние легло на вытертый линолеум. Покрытые облупившейся масляной краской стены задрожали, сделались прозрачными и исчезли, открыв ослепительный, залитый солнцем простор. Теплый ветер всколыхнул Манечкины волосы. Он нес с собой аромат горьковатых степных трав и свежесть чистейших голубых озер.

«Only you...» – сладко вздохнул Элвис Пресли где-то над левым Манечкиным ушком.

– ...профессор Роджерс из Цюриха, – грозно откашлявшись, повторила завхоз.

– Мария, – пропела Манечка, зачарованно глядя в глубокие северные глаза гостя.

– Прекрасное имя, – улыбнувшись, ответил гость. – Могу ли я видеть госпожу Шереметьеву? – Он говорил по-русски, хотя и с сильным акцентом, но совершенно правильно. Завхоз с Манечкой переглянулись.

– А... госпожа Шереметьева немного задерживается, она просила передать вам свои извинения, – нашлась завхоз, приоткрыв дверь директорского кабинета. – Вот здесь вы сможете ее подождать. Может быть, чашку чая? Кофе? Минеральной воды?

– Благодарю, – отозвался гость, с интересом оглядев кабинет, – но я, с вашего разрешения, предпочел бы пока побродить по школе.

Он кивнул женщинам и, не дожидаясь ответа, удалился.

– Н-да, – сказала завхоз после долгой паузы, – наверное, следовало бы его сопроводить... Но мне почему-то кажется, что он справится и сам. Однако начальство-то где? Где ее носит? А мы тут за нее отдувайся!

– Какой мужчина!.. – не слушая завхоза, шептала Манечка. – Какой мужчина!

Завхоз выразительно посмотрела на Манечку, покачала головой и ушла.

Очнувшись, Манечка начала действовать. Мгновенно все бумаги со стола были убраны в толстую папку с надписью «Приказы» на корешке, а сама папка засунута на полку. Поверхность стола, освобожденная от пыли и бумажного мусора и украшенная вазочкой с гвоздиками, приобрела праздничный вид; сбоку посвежел и заиграл красками громоздкий компьютерный монитор, а с клавиатуры бесследно исчезли пятна от кофе и хлебные крошки.

Покончив с уборкой, Манечка еще раз внимательно оглядела себя в зеркале. Так и есть: над левой бровью наметился прыщик, ресницы какие-то тусклые, и помада совсем съелась. Манечка хищно прищурилась и достала из сумочки Специальный Набор для Боевого Раскраса.

* * *

Прозвенел звонок, возвещающий начало пятого урока, и Аделаида осталась в своем кабинете одна. Ушел в кабинет иностранных языков гость, увлекаемый обеими англичанками и подросшей немкой, ушла повар Алиса, интересовавшаяся, будет ли гость обедать, ушла завуч старших классов со свежим выпуском «Педагогической науки», и с ней под руку беременная Васильева, томно обмахивающаяся больничным листком.

Не сразу, но разошлись и просто любопытные, под разными предлогами толпившиеся в приемной и как бы невзначай заглядывавшие в полуоткрытую дверь кабинета.

Знакомство с гостем произошло как-то быстро и странно, что смутило Аделаиду, ценившую протокол. Смутило Аделаиду и то, что гость показался ей совершенно непохожим на профессора и директора лицея.

Аделаида была знакома со многими профессорами, как докторами педагогических наук, так и историками, из окружения мужа. В большинстве своем это были люди солидные, в возрасте, а преобладающими внешними признаками являлись очки, лысина, борода, нездоровый цвет лица и томная расплывчатость фигуры.

Новоявленный же специалист по древней истории был, напротив того, молод (лет тридцати пяти на вид), хорош собой и замечательно сложен. Лицо его, сильно загорелое, с правильными чертами, было гладко выбрито; глаза без очков, темно-серые, глубоко посаженные, пристальные; густые светлые волосы коротко острижены и зачесаны назад. Да и одет демократично – джинсы, свитер с глухим воротом и стильная, хотя и несколько потрепанная, замшевая куртка.

А впрочем, бог с ней, с внешностью – известно ведь, что у них в Европах все не как у людей, и ученую степень дают кому ни попадя, и одеваются с полным безразличием к условиям. Не документы же было у него спрашивать, в самом-то деле?

Пока Ирина Львовна с Манечкой шепотом спорили в приемной, кому из них представлять гостя директрисе, тот, услышав «Войдите!», спокойно открыл дверь кабинета и вошел. Секретарша с англичанкой ахнула и устремились следом.

Гость приблизился к стоявшей неподвижно Аделаиде Максимовне.

– Карл Роджерс, – представился он приятным низким голосом.

– Аделаида Максимовна Шереметьева, – ответила Аделаида, пытаясь вспомнить, принято ли сейчас при знакомстве с иностранцами подавать руку; ничего не вспомнила, но решила на всякий случай подать. Гость принял руку бережно, словно драгоценность, слегка пожал и на мгновение накрыл другой ладонью, сухой и очень горячей.

– А-де-ла-ида, – повторил он задумчиво, словно имя было совсем уж трудно произносимое, – Аделаида... Делла... Вы позволите мне называть вас Делла?

Покосившись на замерших у двери Манечку с Ириной Львовной, Аделаида Максимовна смутилась окончательно и в просьбе отказала. Гость, впрочем, нисколько этим не обиделся и

не огорчился, лишь внимательно посмотрел на порозовевшую директрису, и в серых глазах его на миг вспыхнули лукавые золотые огоньки.

Аделаида, спохватившись, предложила ему сесть.

– Вы очень хорошо говорите по-русски, профессор, – заметила она, желая сгладить возникшую неловкость.

– О, я давно изучаю русский язык, но до сих пор не имел возможности практиковаться. Я впервые в России, – серьезно и обстоятельно ответил гость.

Задав еще несколько вопросов относительно планов и намерений гостя в подведомственной ей школе и получив такие же деловые, обстоятельные ответы, Аделаида совершенно успокоилась.

Гость вел себя в высшей степени корректно, неудобных вопросов больше не задавал, глазами на Аделаиду не сверкал. С зашедшими по неотложному делу педагогами вежливо раскланивался, привстав с кресла.

После краткого визита в кабинет иностранных языков гость отбыл, пообещав явиться завтра утром и провести в школе весь день.

В перерыве между сменами Аделаида созвала административное совещание.

– Гость пробудет у нас всю следующую неделю, до начала каникул, – сказала она, кратко посвятив коллег в суть дела, – полагаю, преподавателям иностранных языков, истории и литературы следует воспользоваться любезным предложением господина Роджерса насчет проведения уроков.

– Мы-то уж точно воспользуемся! – тут же заявила Ирина Львовна. Остальные согласно закивали.

– Надо бы культурную программу для гостя, – сказала Мария Александровна.

– Культурную программу берем на себя, – вновь выступила Ирина Львовна, – у Татьяны Эрнестовны знакомая билетерша в оперном театре.

Остальные заволновались.

– Почему это – «вы берете»? – возразила Мария Александровна. – Опера оперой, но и у нас, в начальной школе, есть что показать! Наша «Снежинка» на фестиваль в область ездила, забыли? Вася Мухин на домре играет...

– А наш драмкружок? – поддержала Марию Александровну завуч старших классов. – Они как раз «Горе от ума» репетируют!

– В музей его надо сводить, вот что, – предложила завхоз, – пусть полюбуется на подрытые доспехи своих древних германцев... Шучу! – поспешно добавила она, поймав укоризненные взгляды остальных.

– Музей... – рассеянно повторила Аделаида, перелистывая страничку ежедневника, – музей... Да, конечно, отличная мысль. Музей сейчас закрыт, но я переговорю с мужем.

Только оказавшись дома, Аделаида вспомнила, что собиралась позвонить дочери. Тут же, в прихожей, не раздеваясь, она набрала ее рабочий номер. Отозвался автоответчик. Это означало, что в крошечном, на три стола, офисе риелторской конторы, где работала Елена, никого уже нет.

Затем Аделаида позвонила ей домой и прослушала полную серию протяжных гудков, потрескиваний и обрывков чьих-то чужих разговоров.

«Надо все-таки купить ей мобильный телефон», – размышляла Аделаида по дороге на кухню. Она достала из морозилки каменной твердости треску, нашла в отделении для овощей луковицу и пять проросших картофелин, а на средней полке – почти полную банку с майонезом. С тех пор как дочь вышла замуж и переехала в Город, у нее не так уж часто возникало желание что-нибудь приготовить собственными руками, но сегодня был как раз такой день.

Как всякий неуверенный в себе, но добросовестный кулинар, она полностью сосредотачивалась на процессе, поминутно заглядывая в книгу рецептов и очень осторожно обращаясь

с ножом. Результат, как правило, оказывался вполне съедобным, а главное, во время готовки не тревожили никакие посторонние мысли.

Спустя самое непродолжительное время рыба уже скворчала в духовом шкафу. Запах от нее, сытный и тягучий, густыми волнами заполнил квартиру и просочился на лестничную площадку, взволновав не на шутку возвращавшуюся с прогулки соседскую кошку.

Приехал из своего института муж, веселый и довольный – «Зенит» обыграл «Надир» со счетом 3:0, так что имелись все шансы получить в этом сезоне по меньшей мере «бронзу».

За ужином Аделаида рассказала мужу о неприятностях дочери. Тот поначалу отнесся к этому рассказу философски; подняв вилку с куском картошки и совершая ею плавные движения, словно во время лекции, высказал убеждение, что родителям не стоит вмешиваться в жизнь совершеннолетних детей и тем более улаживать их семейные ссоры. Впрочем, он ничего не имеет против намерения Аделаиды съездить на выходные в Город, если ей самой от этого станет легче. Он, кстати, все равно собирался провести субботу в музее, порыться в запасниках.

– Кстати, о музее... – начала было Аделаида, но муж, осененный новой идеей, перебил ее:

– Говоришь, не берет трубку? А почему бы тебе не поехать к ней уже завтра? После обеда, а? Завтра пятница, короткий день, в субботу ты не работаешь. Заночуешь у нее, а в субботу погуляете где-нибудь, походите по магазинам...

Аделаида, изумленная неожиданным поворотом мыслей мужа, ничего не ответила. Однако он и сам почувствовал, что несколько переборщил, пожал плечами, с равнодушным видом бросил: «Впрочем, тебе виднее...» – и молча доел свою рыбу.

– Хорошо, – сказала Аделаида, подумав, – если ты не возражаешь, я уеду завтра. Ужин тебе оставить?

– Нет-нет, зачем же тебе утруждаться? – поспешно возразил муж. – Я перекушу в институте, вернусь поздно. А в субботу пообедаю у Нарышкиных или в «Тайване».

– Только не бери шницель, он у них слишком перченый, – предостерегла Аделаида, надевая фартук и собираясь мыть посуду. Муж пробормотал что-то неразборчивое, плеснул себе чаю в широкий, кобальтовый с золотом чайный бокал с надписью «Дорогому и уважаемому...» и устремился назад, в гостиную, к телевизору.

Покончив с посудой, Аделаида накинула старое пальто и пошла выносить мусор. На дворе было темно, безлюдно и ветрено. Но ветер дул теплый, южный, он разгонял тяжело и неустанно ползущие с ледяного моря тучи, и мягкий серебристый отблеск на их рваных боках манил, и тревожил, и вселял надежду в истосковавшееся от бесконечной зимы сердце.

Аделаида постояла, прислонившись к старому, еще скованному стужей тополю, росшему посреди двора. С обледенелой ветки упала прозрачная светящаяся капля и покатилась по ее щеке; она вздрогнула, открыла глаза, подобрала ведро и вернулась домой.

* * *

Наступившая пятница оказалась днем хлопотливым и полным забот как для героев, так и для рядовых участников этой правдивой истории.

Раньше всех, раньше даже дежурных техников в школу прибыла завхоз. Она лично обследовала чистоту холла первого этажа, площадку перед столовой и коридор между директорским кабинетом и учительской.

Трудовик вечером заменил все перегоревшие в холле люминесцентные лампы на новые, и в их рассеянном, холодно-розоватом свете засияли отмытые до блеска высокие массивные двери спортзала. Сам спортзал выглядел далеко не так солидно и достойно, как его двери, но тут уж ничего поделать было нельзя.

Однако завхоз недаром считалась одной из самых сообразительных и находчивых женщин школы. Из кармана синего рабочего халата она извлекла моток скотча, ножницы, отрезала

четыре аккуратные полоски и ими прикрепила к дверям лист плотной бумаги с выполненной крупными черными буквами надписью «Ремонт». Оба ключа от наглухо запертого дверного замка уже лежали в другом кармане.

Теперь надлежало заняться разбитым накануне стеклом. Кусок фанеры, прикрывший изнутри круглую дыру с длинными змеящимися от нее трещинами, сразу бросался в глаза и безнадежно портил ярко освещенный фасад. Завхоз постояла немного на тщательно очищенном от снега крыльце, уперев руки в бока и тихо ругая малолетних вредителей, после чего вернулась в вахтерскую и набрала знакомый номер.

– Доброе утро, Дмитрий Алексеевич! Это вас заместитель директора школы по хозяйственной части беспокоит, – заговорила она, делая страшные глаза и отмахиваясь от удивленного и разобиженного физрука, – у нас, знаете ли, вчера такая неприятность случилась – фасадное стекло раскокали начисто... Технички говорят, в это время как раз Саша мимо проходил с товарищами... Да, хорошо бы сегодня... К одиннадцати привезут? А раньше нельзя? Договорились, ждем!

Положив трубку, она взяла физрука за рукав и отвела его в сторону.

– Ты пойми, – втолковывала она ему, – тебе ведь сейчас спортзал не нужен, ты детей на лыжах выводишь, так? А иностранец этот по всей школе разгуливает, может и в спортзал заглянуть, так? Ну, и что он там увидит? Позору же не оберешься!

– Да понял я, понял, – вяло отбивался физрук, – ну хоть на пять минут отоприте, я оттуда свои лыжи заберу...

– Давай, только мигом, – смягчилась завхоз, доставая ключ, – лыжи можешь пока в моем кабинете держать.

Кабинет завхоза – та самая «каморка под лестницей» – был и в самом деле невелик, но очень, очень уютен. Его обстановку составляли письменный стол с выдвижной тумбой, несколько разномастных, но хорошо сохранившихся стульев, средних размеров несгораемый шкаф и вешалка; в углу была даже маленькая раковина с проволочной сушилкой для посуды. Крошечное окошко с пышно цветущей в любое время года геранью прикрывала опрятная белая занавеска; на шкафу жил сувенирный электрический самовар с надписью на крышке «Made in Tula».

Его круглый зеркальный бок отразил сначала свою хозяйку, потом мрачного физрука с лыжами, а после, когда физрук удалился, – золотые очки нового вахтера. Войдя в кабинет, вахтер зачем-то обшарил его глазами и лишь после этого заговорил.

– Я извиняюсь, – сказал он, откашлявшись, – я насчет стекла...

Завхоз, откинувшись на спинку стула и поигрывая остро отточенным карандашом, выжидательно смотрела на него.

– Как я вам уже докладывал, – продолжал вахтер, настороженно следя за движениями карандаша, – вчера, сразу после разбития стекла я опросил техничек. Лично. Никто ничего не знает, никто никого не видел.

– И?... – дружелюбно спросила завхоз.

– Да как же, вы ведь только что звонили по телефону и сказали...

В кабинете повисла тревожная для вахтера пауза. Выдержав ее ровно столько, сколько нужно было, чтобы вахтер в полной мере ощутил всю зыбкость и неверность своей позиции, завхоз сказала:

– Хорошо. Я сейчас перезвоню Горчакову и объясню ему, что произошло недоразумение и что **этого** стекла его Саша не разбивал. После чего пошлю вас на поиски нового, стоимость которого, – тут завхоз пододвинула к себе приходно-расходную книгу и сделала в ней пометку, – будет вычтена из вашей зарплаты.

Вахтер побледнел и издал какой-то невнятный звук.

Завхоз, прекрасно знавшая, как и с кем нужно разговаривать в подобных обстоятельствах, пододвинула к себе телефон.

– Вы можете идти, Привалов, – бросила она, не глядя на булькающего горлом вахтера. Вахтер прижал ладонь к сердцу и тихо опустил на краешек стула.

– Катерина Алексевна... Помилосердствуйте... Как же это... За что...

– Ладно уж, – смиловилась завхоз, – иди вон, из крана водички попей. Ты, Игнатийч, у нас человек новый, ты наших жизненных реалий не понимаешь. Стекло фасадное, дорогое, да пока стекольщиков дождешься... А за Горчакова ты не переживай, от него не убудет. Мало, что ли, его Сашка за девять лет школьного имущества испортил? Ну все, иди работай. И учти, за порядком наблюдать – твоя прямая обязанность. В другой раз вычту по всей строгости!

Вахтер, пятясь на ватных ногах, вышел из кабинета и очень осторожно прикрыл за собой дверь.

Прозвенел звонок на первый урок. Было восемь часов утра.

Наверху, под самой крышей, в лаборантской кабинета физики невыспавшийся трудовик хмуро разглядывал лабораторный стол, на котором была разложена вся школьная демонстрационная техника – видеоплеер «Samsung» с оголенными внутренностями и отечественный диапроектор «Луч».

Над душой у трудового стояли Манечка с Васильевой и хором ныли:

– Ну Степа, ну хоть проектор почини... Ну ты ж у нас на все руки мастер...

– С ума все посходили, честное слово, – ворчал трудовик, включая паяльник.

Этажом ниже, в кабинете математики, шумел и волновался 5-й «А». Им только что сообщили, что следующим уроком вместо русского будет история и что проходить она будет в кабинете физики, а значит, покажут кино, потому что только в кабинете физики имеются плотные черные шторы на окнах и большой экран, который обычно вешается над доской.

Исчерпав все мирные способы восстановления дисциплины, математичка дала ученикам самостоятельную работу.

Пока 5-й «А» корпел над задачами, их учительница истории сидела в приемной, угощала вернувшуюся на пост Манечку мандаринами и расспрашивала о госте.

Манечка, очень хорошенькая в новой розовой кофточке со стразами, на вопросы отвечала рассеянно и то и дело поглядывала на дверь.

Ровно в половине девятого прибыла директриса, как всегда сдержанная и немногословная. Она была в своем повседневном сером костюме, но острый глаз исторички сразу заметил и серебряную птицу-брошь на лацкане, и мягкий блеск цепочки на прикрытой кружевом шее.

Следом за директрисой явился наконец и гость. Он принес с собой большой пластиковый пакет, поставил его на Манечкин стол и начал выгружать оттуда лазерные диски в ярких глянцевых упаковках. Директриса за его спиной вопросительно посмотрела на Манечку; та развела руками и отрицательно покачала головой.

– Извините, профессор, – тихо сказала директриса, – но у нас есть только диапроектор.

Гость задумался; потом вытащил из кармана куртки русско-немецкий словарь в мятой обложке, отыскал там нужное слово и облегченно пробормотал: «Ah, zo! Diapozitiven!» Оказалось, что он прихватил с собой и несколько коробок со слайдами.

Осведомившись у исторички, какую тему сейчас изучают ее ученики, и получив робкий ответ, что только начали падение Римской империи, гость выбрал одну из коробок и объявил, что готов.

Пять минут спустя в кабинете физики воцарился таинственный полумрак, полный смешков, шелеста, перешептываний и треска лопающихся пузырей от жвачки. Задние парты и длинная скамейка у стены были заняты учителями, которые по очереди шикали на детей. На кафедре мягко гудел включенный диапроектор, над которым склонилась вызвавшаяся ассистировать гостю Васильева.

Наконец с легким щелчком первый слайд стал на место, и на экране появилась карта Римской империи.

– Я расскажу вам сейчас об одной из величайших загадок Древнего мира, – негромко заговорил гость, смутно видимый в темноте, и шум в классе мгновенно утих. Алый кружок лазерной указки высветил на юге Апеннинского полуострова крошечный городок Конченцу, где в 415 году нашей эры кончил свои дни Аларих, великий вождь вестготов, покоритель Рима. Глубокой ночью, в тайне, его похоронили на дне реки, чьи воды были отведены в новое русло, и вместе с ним – несметные сокровища, захваченные ордами варваров в вечном городе. Река затем была возвращена в прежнее русло, и все рабы, участвовавшие в захоронении, нашли свою смерть в ее водах еще до восхода солнца. Тайна погребения вождя и сокровищ была, казалось, надежно сохранена, но... До наших дней сохранилась легенда, что тот, кто сумеет проследить весь путь Алариха от земель Мезии через страну галлов в Рим и дальше к югу – в хлебные, богатые провинции империи, где лишь внезапная смерть вождя спасла от полного порабощения Кампанию, Сицилию и Северную Африку, – тот сможет найти и русло давно уже высохшей реки, и саму могилу.

...Один за другим замелькали слайды. Вот он, Рим, вечный город, раздираемый борьбой за власть, – багровые отблески факелов лежат на беломраморных колоннах, тускло блестят золотые кровли патрицианских дворцов; огромные цирки переполнены алчно ревущей толпой, а внизу, на арене, окровавленный гладиатор, медленно поднимающий меч над телом поверженного врага, – и мрак, сгущающийся за городскими стенами, и полчища варваров во мраке, глядящих на озаренный огнями город с надеждой и вожделием.

И все же – почему Рим Цезаря и Августа, сердце цивилизованного мира, был на исходе своей тысячелетней истории так легко взят вестготами и примкнувшими к ним германцами? Оттого ли, что он и в самом деле был так невероятно удачлив, этот Аларих из рода Балтов, свирепый рыжебородый варвар? Или это боги отвернулись от охваченных высокомерным безумием римлян? Или причина совсем в ином?..

Взмах руки в свете проектора, приглашающий высказываться свободно и не вставая с места, а на экране – вновь карта Римской империи, но уже раскрашенная в разные цвета. И вот уже первый умник, вглядевшийся в карту сквозь стекла круглых очечков, сначала робко, а потом все более уверенно заявляет, что ведь мало их было, истинных-то римлян, на этих необозримых пространствах... Очкастый всезнайка абсолютно прав, соглашается 5-й «А» после бурного обсуждения, – в чудовищно разбухшей империи большую часть населения составляли покоренные племена и народы, которые то и дело восставали. Да, а еще там были рабы, очень много рабов, которые тоже своими восстаниями подрывали могущество Рима.

Кстати, давайте-ка вспомним самое известное в истории восстание рабов... ну да, название футбольной команды... и еще фильм с Керком Дугласом...

И – дальше, следом за Аларихом и его тяжело нагруженными добычей воинами, на юг империи, неся римлянам смерть и разрушения в отместку за многовековое рабство; дальше, к маленькому сонному городку и мутной илистой реке, упокоившей в конце концов и рыжего вождя, и рыжее золото...

Звонок, всегда долгожданный, прозвенел сейчас резко и неожиданно.

Погас волшебный фонарь. Историчка одним поворотом выключателя изгнала еще насыщенный картинами цветной полумрак, и витающие в нем охотники за сокровищами были вынуждены вернуться в класс.

* * *

...Напротив кабинета физики, в просторном, светлом, тихом помещении школьной библиотеки, сидели две освобожденные от физкультуры десятиклассницы и под прикрытием четы-

рех томов «Войны и мира» изучали журнал «Playgirl». Библиотекарша, сухонькая старушка с фиолетовыми волосами и ярко-розовой помадой на увядших губах, восседавшая за высокой дубовой стойкой, время от времени бросала в их сторону подозрительные взгляды.

В середине журнальчика, на развороте, оказалась особенно мускулистая особь мужского пола, одетая лишь в татуировки; девицы прыснули. Возмущенная библиотекарша начала было приподыматься на своем возвышении, но тут в дверь постучали нетерпеливо и громко, и на пороге возник, почти в полном составе, 5-й «А» класс. Вперед выдвинулась очень серьезная, веснушчатая, вихрастая личность; приблизившись к стойке, она тоненьким голосом спросила какую-нибудь книжку про Алариха.

– Про кого? – переспросила изумленная библиотекарша.

Личность шмыгнула носом и оглянулась. «Про Древний Рим», – тихо подсказали сзади. Библиотекарша достала с ближайшей полки толстую энциклопедию по истории Древнего мира и, колебавшись, протянула ее пятикласснику. Тот деловито поблагодарил и тут же принялся листать.

«И мне! И мне!» – раздались голоса, и библиотекарша поняла, что окружена.

Весь школьный запас древнеисторической литературы разошелся в считанные минуты. Последнему желающему пришлось удовольствоваться «Кратким справочником по античной скульптуре и живописи» – правда, там было много интересных картинок, и было даже изображение того самого невезучего римского императора Аттала, которого низверг Аларих и который, будучи в плену, развлекал вождя варваров своей искусной игрой на тростниковой свирели.

Десятиклассницы проводили недоумевающим взглядом этого последнего, переглянулись, пожали плечами и, прихватив свой журнал, на цыпочках прошли к выходу мимо обмякшей в кресле библиотекарши.

* * *

Верная принятому накануне решению, Аделаида ушла с работы в половине второго и пешком отправилась к железнодорожной станции. Специально и вышла заранее, чтобы пройти пустым и безлюдным в это время парком, по чистому еще, не тающему под деревьями снегу, подышать воздухом и, если повезет, встретить у старого, расщепленного молнией дуба семейство белок.

Рано утром Аделаиде удалось-таки дозвониться дочери; та оказалась жива и здорова, хотя и пребывала, понятное дело, в настроении грустном и подавленном. Все же у Аделаиды несколько отлегло от сердца, а чашка крепкого сладкого кофе, которую она позволила себе за завтраком, и вовсе привела ее в сносное расположение духа. Собираясь на работу, Аделаида не испытывала, как это часто бывало в последнее время, чувства усталости и нежелания за что-либо браться; было, наоборот, легкое, едва уловимое предвкушение чего-то неожиданного и приятного.

День и в самом деле оказался не совсем обычным, так что, и покинув школу, она никак не могла переключить свои мысли со школьных дел на семейные. То есть она пыталась это сделать, и даже расстроенное лицо дочери виделось ей в теневых снежно-синих переливках аллеи, и дуб укоризненно скрипел корявыми голыми ветками над головой; но внезапный порыв ветра, каприз зыбкого весеннего освещения, полет вытянувшейся в струну белки – прямо из дупла к разложенному на снегу угощению – и мысли Аделаиды уносились совершенно в другую сторону.

Сорок минут, проведенные в компании грозно размахивающих мечами варваров и изнеженных, напрочь утративших боевой дух римлян, произвели на присутствующих педагогов впечатление сильное и неоднозначное.

Было что-то завораживающее в том, как легко и непринужденно господин директор лица овладел вниманием малолетней аудитории, как увлек слушателей событиями полутора-тысячелетней давности, словно сам был их свидетелем и участником, как умело бросал детям зерна вопросов, не давая им рассеяться и отвлечься, но побуждая думать и радоваться самостоятельно найденным ответам. Даже тяжеловатый немецкий акцент профессора не только не портил общего впечатления, но казался вполне уместным, коль скоро речь шла о германских племенах.

Без сомнения, это была работа мастера экстра-класса.

Но, говорили наиболее пожилые и опытные педагоги на стихийно собравшемся во время большой перемены педсовете, но!.. И многозначительно поднимали палец. Где методическая основа? Где дидактическая? Это, знаете ли, мало похоже на урок в привычном для нас смысле этого слова!..

– И пусть не похоже! И не надо! Зато какой эффект! – кричали восторженно педагоги помоложе, ссылаясь на сбивчивый рассказ библиотекарши, которую сердобольная Манечка в это время отпаивала валерьянкой в приемной.

Аделаида молчала, не мешая коллегам высказываться; глядя на директрису, молчали и завучи. Наконец завуч по внеклассной работе, тонко улыбнувшись, заметила:

– Вот вам – роль личности в истории...

Такому обороту беседы, то есть возможности перейти с истории на личность, все обрадовались и заговорили разом. Сам-то он сейчас где? Что собирается делать дальше? Мария Александровна, поднявшись, с достоинством объяснила, что гость выразил желание присутствовать на уроках русского языка в начальной школе, где и проведет все оставшееся от первой смены время. А во вторую смену, поспешно добавила завуч старших классов, мы ждем господина Роджерса на немецкий в 8-м «А»; разумеется, приглашаются все желающие.

Потом был звонок, разогнавший педагогов по классам, какие-то мелкие, не запомнившиеся Аделаиде дела, краткая беседа с завхозом по поводу разбитого стекла («Да не берите в голову, Аделаида Максимовна, все уже сделано») и с Марией Александровной, которой Аделаида сообщила о своем отъезде («Да не беспокойтесь, Аделаида Максимовна, поезжайте, у нас тут все будет в порядке»). После чего Аделаида могла бы с чистой совестью покинуть школу уже в половине первого, но почему-то медлила, тянула время и даже подумывала о том, чтобы позвонить дочери и сказать... А что, собственно, сказать? Что у нее важные дела и поэтому она приедет позже? Конечно, как директор школы она обязана присутствовать на таких мероприятиях... Но с другой стороны, есть же у нее заместители... Ну, положим, дело не только в обязанностях. Ей это интересно. Очень даже интересно. Как педагогу, разумеется, как профессионалу...

Ну, в таком случае педагог сможет удовлетворить свой профессиональный интерес и на следующей неделе – ведь гость не уедет раньше следующей субботы, он определенно обещал...

С этими мыслями Аделаида все-таки покинула школу и теперь, покормив белок, брела к выходу из парка, стараясь поудобнее приладить на плече тяжелую сумку; кроме бумаг и прочих необходимых вещей, там лежала литровая банка с любимым Леночкиным вишневым вареньем и палка финского сервелата из продуктового набора, который директора школ получили в гороно по случаю 8 Марта.

Электричка на этот раз пришла вовремя, и в ней даже были свободные места. Устроившись на краю жесткого деревянного диванчика, Аделаида вытащила из сумки сборник кроссвордов, ручку и приготовилась к получасовому тряскому пути.

Разгадывать кроссворды Аделаида любила и умела; однажды даже выиграла в конкурсе, организованном областной газетой «Досуг», ценный приз – кофеварку «Мулинекс». Газета намеревалась взять у нее интервью и приглашала за призом в редакцию; Аделаида от дачи интервью отказалась, а кофеварку ей выслали по почте.

Сегодня, однако, ей было трудно сосредоточиться и на этом приятном занятии. Промучившись несколько минут над словом, означающим «сильное, захватывающее душевное переживание» (шесть букв, первая – «л», последняя – мягкий знак), Аделаида отложила начатый кроссворд и стала смотреть в окно.

Чахлый кустарник за покрытой черным снегом насыпью сменили бесконечные бетонные заборы. Проглянувшее было солнце, зевнув над безрадостным пейзажем, укрылось толстой серой тучей, и сразу же сверху посыпалась снежная труха пополам с дождем. В вагоне потемнело. Соседи по купе клевали носом. Как-то незаметно для себя Аделаида тоже задремала, обняв сумку.

Между тем сидевший напротив мужчина не спал, а с интересом поглядывал на Аделаиду сквозь толстые затемненные стекла роговых очков.

Женщина показалась ему достойной внимания. Красивое лицо, только какое-то застывшее, безжизненное, словно заснеженное озеро под темным зимним небом; изящные округлые кисти рук, миндалевидные ногти, тщательно обработанные, но не покрытые лаком; фигуру, разумеется, определить трудно под этой ужасной дубленкой, но можно надеяться, что и она хороша; возможно, чуточку полновата, но это, с точки зрения настоящего знатока и ценителя, скорее достоинство, чем недостаток. Равно как и возраст – в зрелых осенних плодах есть свое неповторимое очарование. Равно как и гладкое золотое колечко на безымянном пальце правой руки – гарантия безопасности будущих приятных отношений.

Пока мужчина обдумывал возможные способы знакомства (такую женщину следовало с самого начала чем-нибудь поразить, но не отпугнуть), спокойное лицо дремлющей Аделаиды как-то неуловимо изменилось. Легчайший розовый отблеск лег на безупречную белизну озер, словно из-за нагромождения облачных гор пробился вниз одинокий рассветный луч.

Ее губы чуть заметно шевельнулись, веки затрепетали, пальцы левой руки легли на кисть правой и сжали ее.

«Эге, – подумал проникательный мужчина, – вон оно что... Кажется, я опоздал». В этот момент вагон дернулся, подъезжая к станции. Аделаида раскрыла затуманенные глаза, нахмурилась, быстро глянула в окно и поднялась с места. Мужчина с сожалением проводил ее взглядом, пожал плечами – что поделаешь, на этот раз не судьба.

Аделаида договорилась встретиться с дочерью у ее дома в половине пятого. Та, как обычно, задерживалась, а ключа от квартиры у Аделаиды не было. Сидеть на лавочке у подъезда оказалось мокро и холодно, и Аделаида решила пройтись Лене навстречу.

Она медленно шла по улице мимо ларьков, в которых можно было купить любой предмет первой необходимости – от пива, жвачки и презервативов до автомобильного магнитофона сомнительного происхождения, американской валюты и японского жемчужного ожерелья (по крайней мере, так оно обозначалось на ценнике).

Иногда ларьки расступались перед холодными, скупо освещенными витринами больших магазинов, в глубине которых маялись от безделья крашенные в модный рыжий цвет продавщицы.

У одной из таких витрин Аделаида остановилась передохнуть. Перевесила сумку с левого плеча на правое, посмотрела на часы – пять минут шестого; потом взгляд ее случайно упал на то, что находилось за стеклом прямо перед ней.

На невысоком постаменте, обтянутом лунного цвета бархатом, стояли маленькие сапожки из тонкой жемчужно-серой кожи, с замшевыми вставками и камушками по бокам, на изящно изогнутом, невесомом каблучке – настоящее произведение искусства. Свет спрятанных наверху лампочек мягко обтекал их безупречные линии и изгибы, искрился в замшевых ворсинках, зажигал на камнях крошечные радужки. У подножия постамента скромно притулилась беленькая табличка с неразборчивым рядом цифр.

– Привет, мам! – дочь клюнула Аделаиду холодным носом, близоруко сощурилась на витрину.

– Красивые, правда? – робко спросила Аделаида.

Дочь посмотрела на нее удивленно.

– Мам, ты что? Каблуки же – семь сантиметров, а ты и так на полголовы выше папы! Да и цена... Ну ладно, пошли, я замерзла! – и Лена решительно зашагала к дому. Пристыженная Аделаида поплелась следом.

В маленькой однокомнатной квартире, которую молодые супруги снимали на деньги родителей, было холодно, неприбрано и неуютно. Аделаида первым делом закрыла форточку на кухне и тщательно вытерла лужу от наметенного на подоконник снега.

Пока дочь отогревалась под горячим душем, Аделаида подмела пол, собрала в одну кучу разбросанные по всей квартире вещи (видно, что сильно повздорили) и перемыла посуду.

За ужином (вареная картошка со сметаной и привезенная Аделаидой колбаса) дочь сидела нахохлившись, совсем еще юная, трогательная в своем толстом купальном халате и с мокрыми, торчащими в разные стороны короткими волосами. На осторожные расспросы матери отвечала односложно – «да», «нет», «не знаю».

За чаем с вареньем, однако, она смягчилась и начала рассказывать сама. Аделаида села рядом, слушала, широко раскрыв глаза, кивала, осторожно гладила страдалицу по голове. Ничего в мире больше не осталось – только ее несчастный, хлюпающий носом ребенок, которому она так хотела и не могла помочь.

Что муж Елены – далеко не подарок, Аделаиде было ясно с самого начала. Избалованный, ленивый, эгоистичный, язвительный барчонок – ему в жены надо было бы взять тупую, бессловесную прачку-кухарку-уборщицу, а не портить жизнь тонкой, чувствительной, с возвышенными интересами девушке из хорошей семьи.

Все же Аделаида попыталась извлечь из бессвязного потока жалоб, всхлипываний и угроз конкретную причину их последней ссоры.

Ей почему-то казалось, что если удастся найти эту самую причину и поговорить именно о ней, а не об общей плохости Вадима, то, возможно, в конце концов ситуация окажется не столь уж трагичной.

– Да свинья он, и больше ничего! – заявила дочь, покосившись на мать. – Пусть теперь только явится – на порог не пущу!

С этими словами она сердито высморкалась и положила себе еще варенья.

– Ладно, что мы все обо мне да обо мне... У тебя-то как дела? – спросила она неожиданно.

То, что дочь, несмотря на собственные неприятности, интересуется ее делами, смутило и растрогало Аделаиду.

– Да ничего... все нормально... – пробормотала она и вдруг почувствовала, что на самом деле ей очень хочется рассказать дочери о последних событиях в школе.

– Знаешь, мне в среду позвонили из областного комитета и сказали... – начала она медленно, подбирая слова. В этот момент заурчал дверной замок; дочь вздрогнула, уронила ложечку и впиалась глазами в дверь.

На пороге возник Вадим – мокрый, небритый, в грязной куртке и с тремя поникшими гвоздиками в руке. Елена кинулась к нему, заколотила кулачками по его груди, выкрикивая что-то неразборчивое, но вскоре затихла и прижалась к нему, закрыв глаза.

Аделаида, стараясь не шуметь, выбралась из кухни в переднюю. Поспешно оделась, нашла перчатки и сумку, посмотрела на закрытую дверь в комнату и на часы – половина одиннадцатого. «Ничего, на последнюю электричку успею», – подумала она и тихо прикрыла за собой входную дверь.

* * *

Как бы либерально, терпимо, снисходительно (и т.д. и т.п.!) ни держал себя директор школы, его отсутствие на рабочем месте чаще всего воспринимается подчиненными как подарок судьбы.

Как-то неуловимо меняется атмосфера в школьных коридорах, светлеют вечно озабоченные лица завучей, дети на переменах беззаботно резвятся прямо перед директорской дверью, а бдительные вахтеры утрачивают некоторую долю своей профессиональной суровости.

Если же директор отсутствует во вторую половину дня в пятницу, это практически всегда означает следующее: в школе вы не застанете никого, кроме нескольких бедолаг, у которых уроки во вторую смену и которые не сумели найти подходящую причину, чтобы отпустить себя и детей пораньше.

Школа, в которой работала Аделаида, не была исключением из этого правила. Во всяком случае, до сегодняшнего дня.

С момента отъезда директрисы прошло уже больше двух часов, но многие педагоги первой смены по-прежнему оставались в школе. В ожидании обещанного урока немецкого в 8-м «А» они перемещались из столовой в учительскую, в приемную к Манечке, бродили по второму этажу, поглядывая на дверь кабинета иностранных языков.

Учительница немецкого Татьяна Эрнестовна сидела в приемной напротив Манечки и нервничала. До начала урока оставалось всего ничего, а профессор как в воду канул.

– Ну, где же он может быть? – заламывая худые руки с пальцами в огромных перстнях, вопрошала Татьяна Эрнестовна.

Манечка с чрезвычайно сосредоточенным видом продолжала стучать по клавишам.

– Манечка, солнышко, скажите хотя бы, он сейчас в школе?

Манечка кивнула и бросила мечтательный взгляд на висевшую в углу замшевую куртку.

Татьяна Эрнестовна обернулась и посмотрела туда же.

– Это... его? – почему-то шепотом спросила она.

Манечка снова кивнула.

В дверь боком просунулся трудовик с большой банкой столярного клея в руках.

– Не меня ли вы ищете, Татьяна Эрнестовна? – вкрадчиво осведомился он. Манечка за спиной Татьяны Эрнестовны подняла вверх оба больших пальца и энергично закивала.

– Ах, Степан, оставьте ваши шуточки! Мне сейчас не до них! – отрезала Татьяна Эрнестовна.

– Напрасно, – отозвался трудовик, водружая свою банку на стол перед самым носом Татьяны Эрнестовны, – я мог бы вам кое-что рассказать...

Татьяна Эрнестовна отшатнулась, брезгливо наморщив точеный носик. Дружелюбно улыбнувшись ей, трудовик продолжал:

– Ну, раз вам это неинтересно, расскажу Манечке. Манечка, знаешь, где сейчас наш высокий гость?

Манечка помотала головой, прикусив губу, чтобы не рассмеяться.

– Он в кабинете Марии Александровны. Уже больше часа. И с ним там кое-кто из учителей начальной школы.

– Не может быть! – воскликнула Татьяна Эрнестовна. – Столько времени? С *этими*?

– Действительно, – согласился трудовик, – что можно делать столько времени с тремя молодыми, красивыми, жизнерадостными женщинами в *запертом кабинете*?

Татьяна Эрнестовна вскочила, дико сверкнула глазами, подведенными лиловыми тенями, и понеслась на первый этаж.

– ...разумеется, обсуждать педагогические проблемы! А вы что подумали? – крикнул ей вслед трудовик под беззвучные Манечкины аплодисменты.

* * *

...Карл Роджерс захлопнул наполовину исписанный блокнот и ободряюще улыбнулся утомленным педагогам. Сам он выглядел так, словно только что возвратился с приятной прогулки по лесу, а не провел шесть деятельных часов в плохо вентилируемых помещениях.

– Я очень вам благодарен... – начал было он, но тут дверь кабинета с треском распахнулась. Это произошло по чистой случайности. Татьяна Эрнестовна собиралась просто-напросто *постучать*, но, поскольку дверь на самом деле вовсе не была заперта, то она и открылась от одного прикосновения учительницы немецкого к дверной ручке.

– А... э... профессор... Герр Роджерс... – прошелестела с трудом удержавшаяся на ногах Татьяна Эрнестовна, – урок, битте...

– Да, я помню, – сказал Карл, посмотрев на часы, – но у меня есть еще пять минут.

Он не спеша поднялся с фирменного кожаного кресла Марии Александровны, кивнул сидевшим рядом у стенки учительницам («Майне дамен, до понедельника!») и прошествовал к двери. Татьяна Эрнестовна, вздернув носик, выскользнула следом.

В кабинете некоторое время задумчиво молчали. Затем одна из учительниц, промокнув бумажным платочком влажный лоб, сказала:

– Первый раз вижу, чтобы человек *так* интересовался нашей системой преподавания...

– Задавал бы столько вопросов, – поддержала ее другая, доставая из сумочки зеркальце и расческу.

– Девочки, я себя чувствовала как на экзамене, – сообщила третья, разворачивая оплывшую от жары шоколадку, – хотите?

– Знаете что? – вновь заговорила первая, когда с шоколадкой было покончено. – Он, по моему, очень любит свою работу...

– Я бы сказала – не просто любит, – возразила вторая, – он от нее *тащится*.

Остальные посмотрели на нее с удивлением.

– Ну, это вряд ли, – протянула третья, – вот мы, например, тоже любим свою работу...

– Особенно Первого сентября и в День учителя, – весело заметила первая.

– Это несущественно, – возразила третья, – мы ее любим, мы ее делаем, мы о ней думаем, мы о ней говорим... почти все время... Но чтобы от нее еще и *тащиться*?!

В это самое время или немногим позже завхоз, совершив последний на сегодняшний день обход вверенного ей школьного хозяйства и убедившись, что оно, в общем и целом, продолжает функционировать, возвратилась в свой кабинет.

Она сняла рабочий халат и аккуратно повесила его на плечики. Немного постояла, заложив руки за спину и празднично глядя в окно на темнеющие небеса. Она тоже не торопилась домой, но причина этого не имела ничего общего с какими-то там уроками.

Завхоз вообще мало интересовалась учебно-воспитательным процессом как таковым. Зато у нее было много других разнообразных интересов, благодаря которым она имела устойчивую репутацию Самого Осведомленного Человека. То есть Человека, Который Знает Все. Обо всех.

Сегодня же она просто собиралась дождаться Марию Александровну, чтобы обсудить с ней один небольшой, но весьма важный вопрос.

Самовар уже дважды принимался высвистывать струйками пара всякие легкомысленные мелодии, а Марии Александровны все не было. Не появлялись и другие завсегдатаи «чайного клуба». «Чайным клубом» в школе называли небольшую интимную компанию, регулярно собиравшуюся в каморке под лестницей, чтобы в непринужденной обстановке, за чашечкой

чая со свежей сдобой обменяться информацией, получить от старших товарищей дельный совет, а при необходимости и сформулировать общественное мнение по тому или иному поводу.

Пролистав ближайшие файлы памяти, завхоз без труда вычислила местонахождение пропавших личностей в данный момент: Мария Александровна – на уроке немецкого, исполняет директорские обязанности; медсестра – ушла из школы в 13.00 и не вернулась; Манечка – на посту в приемной; трудовик – в кабинете директора, чинит дверцу платяного шкафа.

Завхоз подняла глаза к потолку и прислушалась. Из кабинета иностранных языков, расположенного над ее головой, давно уже доносились самые разнообразные звуки, а теперь еще и совершенно ясно слышалось пение. Пели хорошо, слаженно, на какой-то очень знакомый мотив, но слов было не разобрать.

Прозвенел звонок с урока. Наверху не обратили на это никакого внимания и продолжали петь еще минут пять, а потом зашумели, зааплодировали, задвигали стульями и наконец разошлись.

Когда разругавшаяся Мария Александровна появилась в кабинете и со вздохом облегчения опустилась на самый удобный стул, завхоз молча налила ей чаю, положила три куска сахара и пододвинула булочки с корицей.

– Хорошо у вас, Екатерина Алексеевна, уютно, – одобрила, как всегда, Мария Александровна.

Завхоз вежливо улыбнулась.

– Ну, как все прошло? – осведомилась она.

– Неплохо, неплохо, – рассеянно отвечала Мария Александровна, принимаясь за третью булочку, – я даже кое-что вспомнила из своего школьного курса... я ведь тоже учила немецкий.

– А пели-то зачем? Для лучшей усвояемости языка?

– Представьте себе, да. Господин Роджерс сказал, что пение очень способствует запоминанию дифтонгов и прочих фонематических созвучий. Кстати, у него неплохой баритон.

Некоторое время дамы закусывали молча. Мария Александровна, углубившись в размышления о дифтонгах и прочих созвучиях, очистила банан и сделала попытку обмакнуть его в чай. Завхоз мягко отвела ее руку.

– Может быть, перейдем к делу? – предложила она.

– Вы... принесли? – спросила Мария Александровна, понизив голос.

Завхоз похлопала ладонью по дверце несгораемого шкафа.

– А вы? – в свою очередь поинтересовалась она.

Мария Александровна помедлила с ответом; тут как раз с ближайшей лестницы послышались шаги, голоса, и на пороге возникли еще две дамы.

При виде первой завхоз улыбнулась и отодвинула стул рядом с собой; при виде второй ее брови изумленно поползли вверх.

Манечка, расстроенная и сердитая, плюхнулась на стул и тут же засунула за щеку клубничную карамельку. Татьяна Эрнестовна, искря и переливаясь, как новогодняя елка, в эффектной позе остановилась в дверях.

– Мы с Карлом завтра едем в оперный театр. Он меня пригласил, – сообщила она. В ее голосе явственно слышался звон бокалов с шампанским.

– В самом деле? – добродушно осведомилась завхоз, наливая Манечке чаю. – А он об этом уже знает?

Татьяна Эрнестовна лишь дернула плечиком. Две старые карги и безмозглая секретарша – не самые подходящие свидетели ее триумфа, зато теперь об этом узнает вся школа.

– Меня всегда привлекали мужчины его типа, – поведала она, любуясь игрой света в перстнях, – два метра мускулов, обаяния и интеллекта...

– Ну-ну, не преувеличивайте, – тем же тоном возразила завхоз, – метр девяносто четыре, не более того.

Татьяна Эрнестовна фыркнула, но несколько неуверенно. Все в школе знали, что завхоз не имеет склонности к пустым, необоснованным измышлениям. Татьяне Эрнестовне следовало бы сейчас повернуться и с достоинством уйти, «сохранив лицо», как говорят японцы, но какой-то внутренний зуд, смесь любопытства и язвительности, заставил ее задать следующий вопрос:

– Может, вы еще скажете, сколько он весит?

– Охотно, – завхоз прищурила свои и без того узкие черные глаза, словно вызывая в памяти образ профессора, и уверенно заявила: – Восемьдесят пять кэгэ... без одежды, – добавила она, не без удовольствия наблюдая, как учительница немецкого бледнеет, краснеет, покрывается пятнами и наконец уносится прочь по коридору, яростно стуча каблучками.

– А правда, Катерина Алексеевна, – робко спросила Манечка, когда старшие дамы кончили смеяться и налили себе еще по чашечке, – как вы узнали?

– Поживи с мое, – пожала плечами завхоз.

– А, – сказала Манечка, подумав, – тогда конечно...

У завхоза и в самом деле имелся солидный жизненный опыт. Она трижды была замужем, вырастила двоих сыновей и одного балбеса – двоюродного племянника, да и сейчас, по слухам, жила в гражданском браке с каким-то вологодским кооператором лет на десять моложе ее самой. Неудивительно, что, кроме обширных познаний в области мужской психологии, у нее выработался и практически безошибочный глазомер.

– Нашла к кому ревновать, – заметила завхоз, наблюдая за сменой выражений на Манечкином лице.

– А вдруг он и вправду поедет с ней в театр? – с тоской спросила Манечка.

– А тебе кто мешает туда поехать? – спросила Мария Александровна, постукивая пальцами по столу.

– Там всегда можно поймать лишний билет, – добавила завхоз, забирая Манечкину чашку, – даже в день премьеры.

Манечка покраснела.

– У меня... деньги почти кончились.

Завхоз молча вытащила из ящика стола хрустнувшую пачку, отсчитала пять радужных бумажек и протянула их Манечке.

– До зарплаты, – строго предупредила она.

Манечка вспыхнула, прижала бумажки к пышной груди и хотела еще что-то сказать, но обе феи нетерпеливо замахали на нее своими волшебными палочками, и Манечка исчезла.

Оставшись наедине, они обменялись цепкими взглядами.

– Ну хорошо, хорошо, – проворчала Мария Александровна, сдаваясь, – я принесу. В понедельник. Но я считаю, что нам нужен независимый эксперт.

– Не возражаю, – кивнула завхоз. – Нам нужен понимающий человек. Предлагаю Степана.

– Не возражаю, – в свою очередь, согласилась Мария Александровна. Уже поднявшись и подойдя к двери, она небрежным тоном спросила: – Вы, стало быть, остаетесь на прежней позиции?

– Без сомнения, – ответила завхоз, споласкивая чашки, – эстрагон – да, листья черной смородины и укроп – да, чеснок – да, возможен также красный перец и даже капелька виноградного уксуса; но только *не* дубовые листья. Они безнадежно огрубляют вкус.

* * *

Аделаида успела на последнюю электричку и в половине первого уже подходила к дому. Окна квартиры были темными; темно было и на лестничной площадке – экономные соседи, как

всегда, выкрутили лампочку. Аделаида долго возилась с дверным замком, стараясь поменьше скрипеть.

Квартира между тем встретила ее полной и равнодушной тишиной. Мужа не было. Аделаида, на цыпочках зашедшая в спальню, зачем-то потрогала плед на нерасстланной постели, подобрала оброненный утром носовой платок и заглянула в платяной шкаф. Вместе с мужем отсутствовал и его лучший костюм темно-коричневого с искрой шевиота, купленный два года назад во время туристической поездки в Финляндию.

«Наверное, он задержался в институте и решил переночевать в Городе, – сказала сама себе Аделаида, – у кого-нибудь из приятелей. У Шаховского, например, или у Лопухина... Хотя нет, Лопухин сейчас за границей. Значит, у Шаховского. Да-да, определенно у Шаховского. Совершенно не о чем беспокоиться. Я ведь могу туда позвонить».

Она сняла трубку. Телефон вызывающе уставился на нее своими вызолоченными кнопками. «Никуда ты не станешь звонить, – произнес он беззвучно, но убедительно, – ты на часы посмотри – час ночи скоро. Да и незачем. Нет его у Шаховского».

«Незачем, – повторила Аделаида, – незачем...» Она прошла на кухню, поставила чайник и достала из буфета оставшуюся от праздника коробку шоколадных конфет. Подумала немного и добавила початую бутылку сливочного ликера.

Потом уселась за стол и опустила голову на руки.

«У него есть от меня тайны, – размышляла она, и голубой огонек под чайником кривлялся и подмигивал, соглашаясь, – своя тайная жизнь. Может быть, другая женщина. Или женщины. Пора, пора сказать себе правду. Я никогда его ни о чем не спрашивала. Зачем? Он мне сказал когда-то – меньше будешь спрашивать, меньше вранья услышишь в ответ. Вот я и не спрашивала».

«И дочери я не нужна, – продолжала Аделаида, обращаясь к закипающему чайнику, – она вспоминает обо мне только тогда, когда у нее что-то случается... и то не всегда». – «Или когда ей требуются деньги», – ехидно добавил чайник, но с этим Аделаида не согласилась.

«Так ведь всегда и бывает, – сообщила она внимательно слушающей кухне, – дети вырастают и забывают о родителях. И ладно, и пусть, лишь бы у нее все наладилось... лишь бы у нее все было хорошо».

Своя жизнь. То, чего у Аделаиды, по сути, никогда и не было. Школьницей и студенткой она жила с родителями (была тихой, послушной, не доставляющей никаких хлопот дочерью). Сразу после защиты диплома вышла замуж и приехала жить сюда, в маленький провинциальный городок. Была тихой, послушной, не доставляющей никаких хлопот женой и невесткой. Мать мужа, заведовавшая тогда всем городским образованием, не могла на нее нарадоваться и всячески пыталась продвинуть по службе, но Аделаиде все время что-то мешало – то тяжелая беременность и роды, то бесконечные болезни дочери. В тридцать восемь лет Аделаида наконец стала завучем; но тут со свекровью случился инсульт, и ей вновь пришлось превратиться в домработницу и сиделку (муж в это время стажировался в Москве). Аделаида безропотно ухаживала за парализованной свекровью все пять лет, до самой ее смерти.

Освобожденный от бытовых проблем муж успешно делал карьеру в своем институте. Дочь, устроенная благодаря старым бабушкиным знакомствам в престижную областную академию менеджмента, вела рассеянный образ жизни и старалась пореже появляться дома из-за тяжелого, свойственного лежачим больным запаха. Аделаида жила в жестких рамках ограниченного перемещения – дом, работа, магазин, поликлиника, работа, дом.

И после смерти свекрови Аделаида продолжала жить той же, установившейся жизнью – работала, ходила по магазинам, вела домашнее хозяйство. Правда, теперь они с мужем стали иногда принимать гостей и даже съездили вместе в отпуск.

Собственной внешности Аделаида, как и раньше, уделяла лишь самое необходимое время, чтобы выглядеть опрятно среди своего остроглазого и все подмечающего педагогиче-

ского коллектива. Увлечений или каких-нибудь особых интересов у нее не было. Друзей, если не считать школьной подруги из Питера, с которой раз в полгода обменивались поздравительными открытками, – тоже.

Дочь выросла и упорхнула, муж... не будем сейчас об этом.

И значит, ей остается лишь тихо стареть над кроссвордами и чужими любовными историями из книжечек в ярких обложках, похожих друг на друга, как горошины из одного стручка...

«Но-но, – строго сказала Аделаида облаку вселенского уныния, пытавшемуся поглотить ее в собственной кухне, – у меня есть моя работа». Она залпом выпила почти полную рюмку ликера и закашлялась от его обжигающе ледяной сладости.

Да, работа. Спору нет, директором быть нелегко. Аделаида с удовольствием вспоминала недавние еще времена, когда она работала простым учителем географии и самой серьезной профессиональной проблемой для нее было научить шестиклассников отыскивать на карте Сандвичевы острова.

Зато теперь, приходя утром в школу, сразу погружаешься с головой в кипучий водоворот звуков, событий, лиц, шуток, сплетен, скандалов, выяснений отношений. И ты – в центре этого водоворота, нравится тебе это или нет. Ты – дирижер этого оркестра, одна половина которого все время норовит захватить сольные партии, а другая, спрятавшись за пюпитрами, потихоньку жует бутерброды и читает романы.

А иногда вся школа походит на улей. В последние дни, например.

* * *

...Аделаида проснулась в восемь часов утра на удивление свежей и отдохнувшей. До десяти часов занималась уборкой, а потом собралась было за покупками, но появился муж. При виде стоявшей на пороге жены он выразил некоторое смущение, но быстро оправился и первым задал вопрос:

– Как, ты уже дома? Значит, все в порядке?

Аделаида недостаточно владела тонким дипломатическим искусством ответа на вопрос, поэтому сначала честно рассказала мужу о своей поездке и лишь потом, когда он, пользуясь ситуацией, попытался ускользнуть в ванную, задала свой.

– Да знаешь, засиделись на кафедре, готовили с аспирантом доклад на конференцию... пришлось заночевать у Шаховского, – был ответ.

– Я так и подумала, – тихо сказала Аделаида захлопнувшейся перед ее носом двери ванной.

Потом забрала в спальню телефонный аппарат и набрала номер Марии Александровны.

– Все в порядке, Аделаида Максимовна, – услышала она бодрый голос своего завуча, – школа цела, все живы-здоровы. И... он о вас спрашивал.

– А, ну хорошо... спасибо... – Аделаида очень осторожно, чтобы не спугнуть хрупкое эхо последних слов завуча, положила трубку. И лишь после этого вспомнила, что следовало бы, для приличия, переспросить, кого, собственно, Мария Александровна имела в виду.

* * *

В этот субботний вечер зима ненадолго вернулась, превратив залитую водой площадь перед гостиницей в некое подобие бального зала. Осторожно переступая точеными ножками на шпильках, кутая носик в поседевший от инея лисий мех, Татьяна Эрнестовна спешила к высокой фигуре, стоявшей рядом с темно-серым «Опелем».

Немец учтиво приветствовал ее и спросил, где же остальные коллеги.

Татьяна Эрнестовна была совершенно готова к такому вопросу и немедленно дала ему самые исчерпывающие объяснения.

Забираясь в мягкую, уютную, пахнущую натуральной кожей полутьму автомобиля, Татьяна Эрнестовна мысленно поздравила себя с удачным завершением второй части своего секретного стратегического плана.

Первая же часть была осуществлена вчера, сразу после урока немецкого, когда Татьяна Эрнестовна непринужденно поинтересовалась, не желает ли господин Роджерс посетить их знаменитый областной оперный театр. Завтра как раз дают Вагнера, «Золото Рейна», причем на немецком языке. Она сама и две-три ее коллеги – страстные любительницы классической оперы, и они будут очень рады, если гость к ним присоединится. Господин Роджерс, разумеется, согласился, хотя при слове «Вагнер» у него на лице промелькнуло не совсем понятное выражение, и тут же предложил отправиться в оперу на его машине.

Пока он выруливал на шоссе, ведущее в город, Татьяна Эрнестовна молчала, собираясь с мыслями и выбирая подходящую тему для легкой дорожной беседы.

Немец сменил свой обычный демократический прикид на строгий, идеально сидящий темно-серый костюм и того же цвета остроносые ботинки; вместо замшевой куртки на заднем сиденье лежал подбитый мехом плащ.

Татьяна Эрнестовна, мигом охватив острым взглядом все эти детали, решила для начала завести разговор о современной моде и поинтересоваться, что это за зверь такой отдал свою черную с серебристыми подпалинами шкурку на подкладку для его плаща, но почему-то оробела, смутилась, когда он вопросительно посмотрел на нее, и лишь пролепетала что-то о погоде. Господин Роджерс с готовностью поддержал эту тему и, обогнув очередную рытвину на дороге, стал рассказывать про небывалую оттепель прошлого года в Европе, когда у них в Цюрихе в конце февраля зацвели тюльпаны.

Хотя цюрихские тюльпаны и показались Татьяне Эрнестовне подходящим мостиком для перехода к более интересным, чем погода, темам, она снова не смогла задать свои вертевшиеся на языке вопросы. Не смогла, и все.

Карл вел беседу с безукоризненной любезностью, в нужные моменты улыбаясь, обращаясь к ней, не переставая, однако, внимательно следить за разбитой колесами грузовиков дорогой, но Татьяна Эрнестовна чувствовала, что эта светская непринужденность служит ему защитой, своего рода сверкающей броней, за которую ей, возможно, и не удастся проникнуть.

К счастью, она вовремя вспомнила, что препятствия на пути к достижению цели всегда лишь раззадоривали ее, лишь увеличивали ценность и притягательность данной цели; вовремя напомнила себе, что она – женщина не только красивая, ухоженная и *очень* привлекательная, но и умная; и не родился еще мужчина, который мог бы устоять перед подобным сочетанием.

Большие надежды возлагались ею на сам спектакль, во время которого она будет сидеть рядом с ним, и в определенные, наиболее чувствительные моменты оперного действия неизбежно случайное соприкосновение рук (хотя «Золото Рейна» в этом смысле не самая подходящая пьеса: лиричности Вагнеру явно недостает), надежды еще большие – на ужин после спектакля, куда он, несомненно, пригласит ее, как порядочный человек, тут как раз неподалеку есть очень милый ресторанчик с уютными интерьерами и толково подобранным меню.

После ужина – дорога домой в приятном уединении автомобиля, а в конце пути – приглашение выпить чашечку кофе в девичьей квартирке Татьяны Эрнестовны, отделанной в неоклассическом стиле (сплошь зеркала, золоченые подсвечники, воздушная легкость мебели «под карельскую березу»; словом – блеск и изысканность, достойное обрамление очаровательной хозяйки).

Но покамест они всего лишь подъехали к театру, и Татьяна Эрнестовна несколько притормозила бег своих не в меру разгулявшихся мыслей. Знакомая билетерша, пожилая женщина с добродушным морщинистым лицом, отдала ей два билета в партер и шепотом пожелала

удачи. Татьяна Эрнестовна улыбнулась светло и надменно и поспешила вернуться к Карлу, который в это время разглядывал афиши на противоположной стене.

Билетерша проводила ее внимательным взглядом.

– Жаль девку, – вздохнув, поделилась она с напарницей, – сорок лет скоро, а все не замужем.

– Ну, может, сегодня повезет, – охотно откликнулась напарница, – кавалер-то уж больно хорош...

Поднимаясь по широкой, застланной изумрудным сукном лестнице к огромному сияющему зеркалу, Татьяна Эрнестовна с удовольствием ощущала полуобнаженной спиной шелковую прохладу своего нового вечернего платья цвета лосося.

Тончайшая свежесть японских духов (две капли – за ушами, одна – в декольте) окутывала ее невидимым соблазнительным облаком.

Она на пару секунд задержалась у зеркала, чтобы убедиться, что ни одна прядь светлых волос не выбилась из замысловатой прически, и послать зеркальному отражению Карла долгий и многозначительный взгляд.

Карл в зеркале улыбнулся ей, но ожидаемого комплимента не последовало. Татьяна Эрнестовна застенчиво взмахнула вороньими ресницами, повернулась и взяла его под руку.

И тут начались неприятности.

Тихий шепоток и хихиканье за спиной, которые Татьяне Эрнестовне успешно удавалось игнорировать в течение последних нескольких минут, стали чуть более явственными. Ее левое ушко уловило отдельные слова, и слова эти ей совсем не понравились.

Она медленно повернула голову.

Две девицы, молодые, яркие и наглые, стояли буквально в двух шагах от них и самым бесстыжим образом пялились на Карла.

Татьяна Эрнестовна прищурилась и метнула в девиц уничтожающе-презрительный взгляд такой мощности, что их должно было бы по меньшей мере размазать по стенке. Карл мягко прижал локтем ее руку и повел в сторону, где торговали программками и в знаменитом зеленом с золотом фойе прогуливался в ожидании спектакля весь областной бомонд.

«Швабра крашенная...» – одна из недобитых девиц метнула-таки в незащищенную спину Татьяны Эрнестовны комок грязи, и она на какое-то мгновение чуть не утратила душевное равновесие, хотя вздорность и нелепость этих эпитетов были совершенно очевидны. Изящная худоба Татьяны Эрнестовны никоим образом не делала ее похожей на швабру или другой какой-либо предмет домашнего обихода, равно как и элегантная, стильная прическа из белокурых волос – да, крашенных, но крашенных настолько качественно (еще бы, в лучшем салоне города!), что совершенно естественно смотрелся и основной светлый тон, и чудесный платиновый отлив.

Зависть, и ничего кроме зависти, твердо сказала себе Татьяна Эрнестовна, усаживаясь в кресло посередине шестого ряда партера. Обмахиваясь программкой, она медленно повела глазами по сторонам: публика вокруг приличная, респектабельная, ничего похожего на этих вульгарных девиц у зеркала. Девицам, должно быть, достались боковые места балкона четвертого яруса, откуда в лучшем случае виден крошечный кусочек противоположного конца сцены – и то если с опасностью для жизни перегнуться через барьер. Так им и надо!

Померкли огни в большой хрустальной люстре и четырех малых, висевших по углам затянутого пыльным голубым шелком потолка. Музыкальная волна увертюры прокатилась по залу, временно поглотив все прочие театральные звуки.

Татьяна Эрнестовна легко вздохнула и положила свою тонкую, белую, украшенную коралловым браслетом ручку на вытертый зеленый бархат подлокотника. Совсем рядом с его рукой.

Сверху за ее маневрами наблюдали в бинокль чьи-то черные глаза.

– Я их вижу, – сообщила Манечка соседке, передавая бинокль.

Как и предсказывала завхоз, поймать лишний билет оказалось несложно. Без пяти семь у входа маялись по меньшей мере десять человек, не дождавшихся своих спутников или спутниц.

Манечка почти сразу же купила билет у какой-то пожилой тетки (первый ряд второго яруса, почти самая середина), а две минуты спустя у той же самой тетки, неожиданно для себя решившей плюнуть на этого занудного Вагнера и пойти домой, приобрела оставшийся билет старшая англичанка Ирина Львовна.

Встретившись в зале и поахав над случающимися в жизни совпадениями, Манечка с Ириной Львовной быстро пришли к соглашению. Задаваку и обманщицу Татьяну Эрнестовну следовало примерно наказать. А там видно будет.

* * *

Среди публики, покидающей в двенадцатом часу оперный театр через старинные, отделанные бронзой двери, большую часть, как водится, составляли женщины. Счастливицы, прибывшие в театр со своими (или чужими) мужчинами, гордо и не спеша уводили их под руку в темные городские пространства. Томные улыбки женщин и трепет их накрашенных ресниц прозрачно намекали остальным неудачницам, что кое для кого вечер только начинается. На лицах конвоируемых мужчин было написано выражение полной покорности судьбе.

Но были замечены и исключения. Небольшая, весьма колоритная компания, одной из последних распахнувшая бронзовые двери, состояла из одного мужчины и целых трех женщин.

Младшая из женщин, пухленькая брюнетка в короткой кроличьей шубке и вязаной шапочке с помпоном, радостно смеялась и болтала без умолку, держась за локоть их спутника, высокого красивого человека со светлыми волосами и загорелым лицом, одетого в длинный, подбитый мехом плащ. С другой стороны светловолосого, касаясь его плечом, вышагивала рослая смугловатая шатенка в прямом черном пальто и лихо сдвинутом на ухо черном берете, с сигареткой в углу тонких губ. Время от времени она вставляла свои реплики низким, волнуяще хриплым голосом, слегка грассируя и лениво растягивая отдельные слова, не переставая при этом иронически улыбаться. Ирония, а временами и нечто похожее на злорадство, были адресованы третьей женщине, худощавой блондинке в мехах, которая, будучи оттесненной от кавалера, плелась сзади в угрюмом молчании. На лице блондинки явственно читалось пожелание скорейших и мучительных неприятностей всем троим... хотя коварный изменщик мог бы еще, пожалуй, заслужить прощение.

Что же до коварного изменщика, то он, похоже, и не подозревал, что является таковым, а если и подозревал, то не испытывал по этому поводу ни малейшего дискомфорта.

Он неторопливо вел своих дам через заснеженную площадь к автостоянке, доброжелательно улыбаясь и звонкой болтовне черноволосой, и контрольным репликам шатенки, и ледяному молчанию сзади.

Сам же говорил мало, и в речи его был замечен довольно сильный, но не режущий слух акцент. Однако и без акцента было ясно, что иностранец.

А больше, пожалуй, ничего ясно и не было. Хотя наши дамы были знакомы с ним уже три дня, знали они о своем спутнике до обидного мало (что, учитывая способности любого женского коллектива к сбору и анализу информации, поистине достойно удивления). Разумеется, они знали, откуда он и чем занимается, но о прочих его жизненных обстоятельствах могли только догадываться.

Взять, к примеру, возраст; дамам, очарованным юношеской стройностью его фигуры, гибкими, плавными движениями и гладкой, бронзовой от загара кожей, он представлялся совсем молодым; но жесткий прищур темно-серых глаз и острая вертикальная морщина на лбу

скорее говорили о том, что этому человеку пришлось многое повидать в жизни и что прошлое его насыщено самыми разнообразными событиями.

В общем, дамы были заинтересованы. Дамы были заинтригованы. Дамы были готовы не на шутку увлечься.

И дело было не только в его привлекательной внешности и манерах поведения, хотя... будь он одноглазым гоблином, наша история, возможно, развивалась бы несколько иначе.

И не в том, что он был иностранцем, жителем Западной Европы.

И даже не в том, что он был человеком состоятельным (во-первых, это сразу видно, а во-вторых, бедный иностранец – это нонсенс).

А в том, что он был молодым, красивым и богатым иностранцем. Возможно даже – холостым.

Ну, и еще – в его профессии.

Он занимался настоящей мужской работой – тяжелой, рискованной и очень увлекательной. Эта работа постоянно требовала большого напряжения сил, как физических, так и духовных. В полной мере необходимы были выдержка, самообладание и терпение. А также самые разнообразные познания и острый, пытливый ум. С такой работой мог успешно справиться лишь человек с сильным и благородным характером, в равной мере обладающий свойствами доброты и строгости.

Да, разумеется, вы угадали.

Он был школьным учителем.

* * *

Возможно, Манечка и не выиграла бы первый приз на областном конкурсе интеллектуалов «Шевели мозговой извилиной», но по части того, что называют женской интуицией, ей определенно не было равных. Не успели они пересечь площадь, как она почувствовала, что Карл уже не слушает ее с прежним вниманием (а она как раз собралась рассказать один из своих самых лучших анекдотов, про собаку и одноногого гаишника).

Ирина Львовна – та ничего не заметила и продолжала нести что-то шибко умное, вроде бы про вагнеровский символизм, но Карл и ее не слушал, хотя вежливо улыбался и время от времени говорил: «Да-да, конечно...», или «Неужели? Это очень интересно...»

А ведь все так хорошо начиналось. В антракте после первого действия они вдвоем с Ириной Львовной возникли за спиной учительницы немецкого, словно торжествующие богини возмездия, когда та, ни о чем не подозревая, радостно щебетала, заглядывая вместе с Карлом в оркестровую яму.

В яме первая скрипка, низенький тучный человечек в лоснящемся фраке, менял лопнувшую струну, и примерно полтора десятка зрителей, истинных театралов, предпочли это зрелище энергичной толкотне в буфете и глубокомысленному разглядыванию фотографий и макетов в фойе.

Карл перегнулся через бархатный парапет и что-то сказал первой скрипке по-немецки. Тот вытер потную лысину клетчатым носовым платком и рассеянно ответил: «О, ja-ja...», но потом поднял голову, встретился глазами с Карлом и заулыбался.

К длинному списку вопросов, накопившихся за эти дни к господину директору лицея, прибавился еще один.

Скрипач, продолжая улыбаться, сделал приглашающий жест рукой. Карл кивнул и двинулся в обход сцены к маленькой, полускрытой тяжелым занавесом лестнице. Татьяна Эрнестовна, шурша шелковым платьем и волнуясь, устремилась было следом, но чьи-то жесткие пальцы удержали ее за обнаженный локоть, а чей-то голос, низкий, насмешливый, знакомый, шепнул ей в ухо: «Стоять!» Обернувшись на голос, Татьяна Эрнестовна увидела рядом с собой

сверкающие глаза старшей англичанки. Татьяна Эрнестовна вздрогнула и посмотрела в другую сторону, на того, кто так бесцеремонно схватил ее за руку, и ей стало ничуть не легче от того, что там она увидела Манечку – свежую, хорошенькую, розовую, молодую.

Хорошо было и потом, в тот момент, когда Карл, обернувшись, увидел их, всех трех, потому что он не только изумился, но и обрадовался. И потом, когда они все вместе расположились в директорской ложе – первая скрипка расстаралась. И потом, когда в антракте перед последним действием пили мартини не где-нибудь, а в актерском буфете, в окружении знаменитостей. Мужчины, впрочем, пили только кофе; Карл – ссылаясь на то, что он за рулем, а скрипач – на то, что придется еще работать.

Господин Альфред Шнитке (так звали первую скрипку) оказался старинным приятелем Карла и очень милым человеком, но, к сожалению, почти не говорил по-русски. Услыхав его имя, эрудитка Ирина Львовна раскрыла было рот, но Татьяна Эрнестовна опередила ее.

– Как? – вскричала она по-немецки, округлив глаза в благоговейном ужасе. – Неужели вы – тот самый знаменитый скрипач и композитор?..

– Увы, мадам, даже не родственник... О чем искренне сожалею, видя тень разочарования в ваших прекрасных глазах, – галантно ответил скрипач.

Весь антракт скрипач разливался перед ними соловьем, рассказывая про свой в высшей степени удачный российский ангажемент, а Карл с серьезным видом, но лукаво поблескивая глазами, переводил его речи для Манечки и Ирины Львовны.

И это тоже было хорошо, прямо-таки замечательно; вдобавок им обеим пришла в голову одна и та же мысль – а почему бы не спихнуть после спектакля Татьяну Эрнестовну этому симпатичному толстячку? Судя по тому, как он на нее посматривал, с его стороны возражений бы не последовало. Можно было надеяться, что и со стороны Карла тоже. Оставался суший пустяк – уговорить Татьяну Эрнестовну.

И они занимались этим на протяжении всего последнего действия и, возможно, добились бы успеха, если бы не Карл. Нет, нет, он ничего такого не говорил и не делал. Наоборот, слегка отодвинулся от шепчущихся дам, оперся локтями о барьер ложи, переплел пальцы, положил на них подбородок и прикрыл глаза – в общем, сделал вид, что его здесь нет (на самом деле он просто хотел дослушать оперу).

Татьяна Эрнестовна, заколебавшись в какой-то момент, посмотрела вниз, в яму, где первая скрипка, блестя лысиной, вдохновенно терзал смычком свой стонущий инструмент; потом перевела глаза на классический профиль ушедшего в себя Карла и решительно замотала головой.

После спектакля скрипач нашел их в гардеробной и застенчиво сообщил, что приглашен на ужин к дирижеру, по традиции устраиваемый после премьерного спектакля, и вынужден поэтому расстаться со столь приятной компанией, если только... одна из дам не окажет ему честь сопровождать его. Этой просьбе предшествовали краткие переговоры, для которых скрипач, извинившись перед дамами, отвел Карла в сторону.

Говорили они, естественно, по-немецки, Альфред – быстро и взволнованно, Карл – негромко и спокойно, как всегда.

– Ну скажи мне, признайся, которая из женщин – твоя? Или... все три?

– Ни одна из них. Просто знакомые.

– Да что ты говоришь! А черненькая хороша, очень хороша...

– Да. И тем не менее.

– Как жаль, что она не говорит по-немецки... И та, высокая, тоже. Ты ведь знаешь, я не люблю английский и не люблю молчать или говорить один! Мое сердце жаждет общения! Значит, мне остается только блондинка, хотя она и слишком сухопарая...

– Заткнись, Альфред. Это порядочные женщины, учительницы, а не хористки из мюзик-холла.

– Господи, Карл, когда ты перестанешь быть идеалистом! Ну ладно, молчу... Значит, ты не будешь против, если я попытаю счастья?

– Я уже сказал тебе, они просто мои знакомые. Но если ты, швабский поросенок, позволишь себе обидеть или хотя бы огорчить одну из них...

– Все-все, я понял вас, господин учитель! Разрешите вернуться к дамам?

– Идите, Шнитке, – разрешил Карл.

И скрипач пошел. И получил ответ.

Манечке, которая не собиралась принимать предложение скрипача, даже стало его немножко жалко, и она всерьез рассердилась на Татьяну Эрнестовну. Что это она, в самом деле? В ее ли возрасте и с ее внешностью отказываться от подобных предложений? И ведь не кто-нибудь, а известный скрипач. Иностранец, опять же.

Ирина Львовна, с которой Манечка обменялась негодующими взглядами, была совершенно того же мнения. В раздражении она даже двинула Татьяну Эрнестовну локтем в бок, но та сделала вид, что ничего не заметила.

Потому что в этот момент Карл посмотрел на нее. И скрипач тоже смотрел на нее, и было во взгляде скрипача, кроме недоумения и разочарования, нечто, весьма похожее на уважение. Двое мужчин, и каких мужчин, смотрели на нее с интересом, а такое в ее жизни бывало не каждый день; Татьяна Эрнестовна мигом воспрянула духом.

У нее были все основания считать, что приглашение скрипача адресовано в основном ей; она могла также ожидать, что Карл поймет и оценит по достоинству причину ее отказа.

Но вот то, что он, по ее мнению, должен был теперь предпринять какие-то шаги, чтобы избавиться от назойливых спутниц или по крайней мере выказать ей, Татьяне Эрнестовне, свое предпочтение, было уже чистой воды фантазией, пустыми мечтаниями, к которым бедняжка все еще имела склонность, невзирая на зрелые уже годы.

Оттого-то она и была такой расстроенной, когда они наконец покинули театр, и, будучи в расстройстве, не придумала ничего лучшего, чем замкнуться в гордом и укоризненном молчании.

Манечка, хотя и была, в сущности, женщиной добродушной и незлобивой, не могла не порадоваться унынию соперницы. Что же до Ирины Львовны, то она Манечку не заботила вовсе, потому что была слишком умной, слишком начитанной и не скрывала этого, а мужчины, как не без оснований полагала Манечка, этого не любят. То есть побеседовать с такими женщинами или даже сходить с ними на какое-нибудь культурное мероприятие – это да, это пожалуйста, а вот что касается близких отношений...

А вот что заботило Манечку, так это настроение Карла.

Золотистое сияние, всегда сопровождавшее его в Манечкином представлении, не померкло, когда они пересекли площадь, но в нем появились какие-то холодновато-отстраненные тона, а музыка, кружившая Манечку голову своей томительной сладостью (на сей раз это был Фредди Меркьюри, «I'm going slightly mad»), и вовсе утихла.

О чем или о ком он снова задумался, Манечке было узнать не дано, по крайней мере, сейчас, но в любом случае следовало немедленно вернуть его на землю.

Для этого Манечка воспользовалась вернейшим способом – поскользнулась и с жалобным писком стала оседать вниз. Как и ожидалось, реакция у Карла оказалась молниеносной – он подхватил ее прежде, чем ее колено коснулось обледелого асфальта, бережно повернул к себе и нагнулся, вглядываясь в ее побледневшее личико.

– Как вы себя чувствуете, Мария? – озабоченно спросил он.

Татьяна Эрнестовна за его спиной негодуя хрюкнула. Ирина Львовна скорчила презрительную гримаску и возвела глаза к небу. Но Манечка ничего этого не видела и не замечала – она наслаждалась моментом. Она позволила себе еще немного обмякнуть в его руках, потом слабо вздохнула и сказала:

– Хорошо. Только голова отчего-то закружилась... Наверное, потому, что очень есть хочется.

Как и ожидалось, на лице Карла появилось виноватое выражение. Он выпустил Манечку, оглянулся по сторонам и спросил:

– А здесь есть где-нибудь подходящее место? Ночное кафе или ресторан?

– В это время суток мы можем рассчитывать только на ночной клуб, – заявила Ирина Львовна, – но вот поесть там вряд ли удастся.

– Да, поздно уже, – холодно поддержала ее Татьяна Эрнестовна, – я думаю, нам всем пора по домам.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Манечка, – давайте мы найдем вам такси, а сами что-нибудь поищем, хотя бы ночной клуб. Иначе я умру с голоду. Вы ведь не допустите, Карл, чтобы дама умерла с голоду?

Карл рассмеялся, сверкнув великолепными зубами, но ничего не ответил.

– Татьяна... Ирина... Мария... – произнес он, безошибочно расположив их по возрасту, – имею честь пригласить вас провести этот вечер со мной. В ресторане, баре, кафе, клубе или где вам будет угодно. Я совсем не знаю города и полностью полагаюсь на ваш выбор.

– Ну, – сказала Татьяна Эрнестовна после небольшой, но весьма насыщенной электричеством паузы, во время которой дамы обменялись взглядами и приняли наконец единодушное решение о перемирии, – есть одно место... В двух кварталах отсюда.

* * *

Ресторан, в котором в конце концов за несколько минут до полуночи очутилась наша компания, назывался «Пещера» и помещался в тихом, мрачном, слабо освещенном переулке, в подвале одного очень старого и на вид совсем нежилого дома. Это было не то место, которое имела в виду Татьяна Эрнестовна; то милое и уютное заведение с настольными лампами в бархатных абажурах и мягкими полукруглыми диванчиками вместо стульев, как назло, оказалось закрытым на какой-то банкет.

Тогда решили пойти наугад по улице, ведущей вниз, к озеру. У одного из переулков Карл внезапно остановился, увидев мерцавшую в отдалении багровую вывеску, изображавшую пламя очага и цыпленка на вертеле. Манечка, продрогшая в своей короткой шубейке и в самом деле сильно проголодавшаяся, радостно захлопала в ладоши. Татьяна Эрнестовна, несколько встревоженная мрачным видом и безлюдностью переулка, заколебалась было и хотела что-то возразить, но тут Манечка рванулась вперед, увлекая за собой Карла.

Ирина Львовна пожала плечами и решительно двинулась следом за ними, так что выбора у Татьяны Эрнестовны не осталось.

Внутри «Пещеры» между тем оказалось не так уж и страшно. Правда, там были темные каменные стены с прикованными к ним факелами, полумрак, чучела летучих мышей под сводчатым потолком и грубая деревянная мебель; но зато, едва они переступили порог, на них пахнуло живым теплом и невыразимо приятным запахом жарящегося на открытом огне мяса.

Гардеробщик, маленький старичок в багровой ливрее, заросший до глаз седым пухом, словно домовый из детских сказок, принял их одежду, беспрестанно кланяясь и что-то бормоча. Из темноты выступил безмолвный метрдотель с очень бледным лицом, в багровом же фраке, и величественным жестом указал им свободный столик.

Не прошло и четверти часа, как все тревоги, недоразумения и несбывшиеся ожидания сегодняшнего вечера были забыты. Грубо сработанная деревянная мебель оказалась очень удобной; закуски, обильные и сытные, были поданы на изящных тарелках чешского фарфора; рубиновое вино, играя в свете факелов и свечей, казалось, усыпало белоснежную скатерть ворохом розовых лепестков.

Вкус вина, поначалу такой нежный и тонкий, дурманил и без того отяжелевшие в тепле и сытости женские головки. Манечка, прижавшись пылающей щечкой к плечу Карла, уговаривала его выпить с ней на брудершафт. Татьяна Эрнестовна, завладев другой рукой Карла, водила остро отточенным ногтем по его ладони, отыскивая линию любви. Сидевшая напротив Ирина Львовна молча курила и неотрывно смотрела на него своими темными, бездонными, загадочно мерцающими сквозь табачный дым глазами.

Карл ел мало и пил только минеральную воду, вновь ссылаясь на обледенелую, в ухабах и рытвинах, ночную дорогу, по которой предстоит доставить домой вверившихся ему дам.

Дамы, однако, уже достигли той степени беспашашной лихости, когда подобная отговорка не может считаться приемлемой – по крайней мере для Манечки и Татьяны Эрнестовны; что же касается Ирины Львовны, то она, возможно благодаря табаку, все еще сохраняла относительную ясность мысли и способность более или менее здраво оценивать окружающую обстановку.

С интересом и не без удовольствия Ирина Львовна наблюдала за тем, как мягко, деликатно, с истинно рыцарской вежливостью Карл отбивался от их приставаний. Поразмыслив немного над причиной такого его поведения, умница Ирина Львовна пришла к простому и очевидному выводу: эти дамы просто-напросто ему неинтересны. Ни простодушная Манечка с хорошенькой мордашкой, сдобной фигуркой и невинными выкрутасами, ни томная Татьяна Эрнестовна со всей своей крашеной, завитой, наманикюренной и упакованной в китайский шелк красотой – нет, ему нужно было нечто другое... Возможно, для него важна не внешняя привлекательность, а внутреннее содержание.

Так, пить больше не следует, а следует, наоборот, освежиться.

И Ирина Львовна встала, собираясь в дамскую комнату.

– Ах, – сказала в этот момент Манечка, прищурившись и глядя на Карла сквозь тонкое богемское стекло, – ну отчего вы такой упрямый и несговорчивый? Отчего не хотите поддерживать компанию?

– Мадам, я буду счастлив выполнить любое ваше желание, – отозвался Карл, терпеливо и осторожно вытаскивая бокал из цепких Манечкиных пальцев, – но, уверяю вас, я и без того достаточно опьянен близостью столь прелестных женщин.

Манечка и Татьяна Эрнестовна, смущенные и довольные, опустили глазки и несколько присмирели.

Ирина Львовна, понимающе усмехнувшись, перегнулась через стол и сказала ему на ухо: «Браво!» После чего подхватила сумочку и отправилась туда, куда собиралась, ощущая спиной его вопросительный взгляд.

По пути она обогнула небольшое возвышение, на котором стоял дорогой концертный рояль, белый, с золочеными виньетками, выглядевший странно и неуместно в этом пещерно-факельном интерьере. За роялем, пустовавшим, когда они пришли, теперь сидело длинноволосое существо в голубой шелковой блузе с пышным жабо и кружевными манжетами; веки и губы существа были густо крашены, и оно вполне могло бы сойти за женщину, если бы не жесткая трехдневная щетина, обильно покрывавшая его впалые щеки и узкий подбородок. Сведя в напряжении выщипанные брови и закусив губу, существо двумя пальцами подбирало мелодию из «Крестного отца».

Засмотревшись на удивительное существо, Ирина Львовна вздрогнула, когда тихий шелестящий голос попросил ее посторониться. Она обернулась и увидела небольшого, очень худого человека, одетого в черное и в больших, на пол-лица, солнцезащитных очках – это при здешнем-то освещении...

Человек осторожно, словно опасаясь к ней прикоснуться, обошел ее и двинулся в дальний и самый темный угол зала, где за уединенным столиком смутно вырисовывались какие-то

неподвижные тени. Повинуясь мгновенно возникшему неприятному чувству, Ирина Львовна поспешила укрыться за заветной дверцей.

Там, смочив лоб и щеки холодной водой, она почувствовала себя лучше. И решительно выбросила из головы всякие глупости. В конце концов, что ей за дело до странностей других посетителей этой самой «Пещеры»?

Внимательно оглядев себя в зеркале, Ирина Львовна осталась довольна: да, не красавица, но лицо под шапкой густых каштановых волос тонкое, умное, волевое; пушистый темно-зеленый, в цвет глаз, свитер прекрасно гармонирует со смугловатой кожей шеи и в то же время выгодно оттеняет порозовевшие щеки.

Положительно, она выглядит сегодня ничуть не хуже, чем эти две глупые курицы.

Ну а уж что касается поведения... изящества манер... воспитанности, сдержанности, скромности... выбора тем для беседы... тут вообще не может быть никакого сравнения.

С этими обнадеживающими мыслями она и вернулась в зал.

Хотя она отсутствовала совсем недолго, от силы минут пятнадцать, в зале за это время успело многое измениться. Прежде всего там стало гораздо темнее – факелы теперь горели через один, и почти не осталось посетителей. Только за их столиком горели свечи в тяжелом подсвечнике, да еще та компания в дальнем углу осветила себя чем-то вроде лампадки. Длинноволосое существо исчезло из-за рояля, и он также погрузился в полумрак. Ирине Львовне снова стало как-то не по себе. Она поспешно вернулась на свое место.

Там все было благополучно. Манечка молча и деловито расправлялась со второй порцией клубничного мороженого. Татьяна Эрнестовна, уронив золотистую головку на смятую салфетку, мирно дремала, заботливо прикрытая пиджаком Карла. Сам Карл, оставшийся в жемчужно-серой сорочке и галстук в тон, слегка нахмурившись, наблюдал за компанией в углу, но при появлении Ирины Львовны тут же перевел взгляд на нее и его лицо приняло прежнее безмятежное выражение.

– Не пора ли нам уходить? – тихо спросила Ирина Львовна.

Карл кивнул и ободряюще улыбнулся.

– Сейчас принесут кофе и счет, – сказал он.

Услыхав его слова, Манечка подскочила.

– Как, уже уходить? А музыка? Вы же обещали... так хочется музыки и потанцевать!

– Ну, раз хочется, будет музыка, – сказал Карл. Он медленно, чтобы не потревожить Татьяну Эрнестовну, выбрался из-за стола и подошел к роялю.

Сразу же рядом с роялем возник бледнолицый метрдотель. Карл что-то сказал ему, и тот, неохотно кивнув, одним взмахом руки прибавил свету.

Карл сел за рояль и заиграл что-то очень знакомое, что-то очень старое, очень красивое, светлое и печальное.

Манечка заслушалась, подперев ладонью пухлую, измазанную мороженым, щеку. Из ее глаз выкатились две крупных, как горошины, прозрачных слезы. Она вздохнула и тронула за плечо спящую Татьяну Эрнестовну, а когда это не помогло, ущипнула ее за ухо. Татьяна Эрнестовна с визгом пробудилась и ошалело уставилась на нее.

– Тс-с-с! – сказала Манечка, улыбнувшись сквозь слезы. – Слушай! Это он играет!

Это же «Лесной царь» Шуберта, вспомнила Ирина Львовна, и в очень неплохом исполнении, если она хоть что-либо в этом понимает. Какая красивая и трогательная вещь... Пожалуй, стоит подойти поближе.

Она поднялась из-за стола и, неожиданно для самой себя, протянула глупым курицам руки. И все вместе, вздыхая и вытирая платочками увлажнившиеся глаза, они подошли и стали напротив пианиста, осветив его своими ясными и чистыми улыбками.

Но не только их привело сюда сияние музыки и красоты. Длинноволосое существо, уже знакомое Ирине Львовне, тоже приплелось откуда-то, уселось на корточки сбоку от Карла и уставилось на него широко раскрытыми, густо подведенными черной тушью глазами.

Когда же Карл кончил играть, оно заговорило – быстрым, визгливым, неразборчивым голосом. Карл отрицательно покачал головой и, отвернувшись от существа, вновь положил руки на клавиши. Но существо не уgomонилось. Высунув длинный узкий язык и жадно облизнув им ярко-красные, словно вымазанные свежей кровью губы, оно продолжало настаивать. Карл взял басовый аккорд, совершенно заглушивший бормотание существа, так что женщинам снова не удалось ничего разобрать. Существо растянуло окровавленные губы в усмешке, подобралось поближе к Карлу и положило свою бледную длиннопалую руку с обгрызенными ногтями ему на колено. Карл резким движением смахнул руку и встал. Существо попятилось, упало с возвышения, захныкало, потирая ушибленный зад, и, жалостно причитая, убралось назад, в темноту. В тот самый дальний угол, где в окружении неподвижных теней сидел худой человек в черном костюме.

Повинуясь знаку худого, одна из теней задвигалась, заколыхалась и с неожиданной быстротой подплыла к возвышению, приняв облик коренастого широкоплечего человека с могучими ручищами и непропорционально маленькой, то ли лысой, то ли обритой начисто, головой. Ростом он был, может, и пониже Карла, зато гораздо шире в талии. Хотя бороды у этого бритого-лысого не было, Манечка почему-то сразу окрестила его Карабасом-Барабасом.

Карл спустился с возвышения и спокойно стоял, заложив руки за спину, словно в своем лице на лекции по археологии. Карабас-Барабас смерил его оценивающим взглядом и сказал: – Босс хочет, чтобы ты сыграл «Голубую луну». Прямо сейчас.

Голос у Карабаса-Барабаса оказался неожиданно тонким, высоким, нежного тенорового регистра.

– Я не знаю этой мелодии, – холодно отвечал Карл.

Карабас-Барабас вздохнул.

– Значит, играть для босса ты не хочешь. И Амурчика нашего ты обидел. Уж и не знаю, как с тобой быть... – и, разведя руками, словно пасуя перед этой сложной проблемой, Карабас-Барабас нанес Карлу страшный удар головой. Точнее, нанес бы и непременно разбил бы Карлу лицо, если бы Карл не увернулся.

Потеряв равновесие, Карабас-Барабас врезался в рояль. Рояль взвыл. Хрупкая подпорка, удерживающая верхнюю крышку рояля в поднятом положении, не выдержала потрясения и сломалась. Крышка, сверкнув отраженными огнями, обрушилась прямо на лысую макушку Карабаса-Барабаса, и тот медленно уполз вниз.

Дамы заплодировали.

Но из полумрака уже надвигалось подкрепление. Двое плечистых и здоровых, с кулаками размером с Манечкину голову, да еще со стороны кухни выбежал метрдотель, хищно скаля желтые зубы, с длинным и узким ножом в руке. Дамы завизжали.

С бледным метрдотелем Карл разделался сразу, развернувшись и припечатав его точным ударом каблука под подбородок; с громилами же пришлось повозиться – у них были кастеты и они были настроены очень серьезно.

Пока Манечка и Татьяна Эрнестовна прыгали вокруг дерущихся, азартно визжа и швыряя в громил всем, что попадалось под руку, Ирина Львовна проскользнула мимо столиков с поднятыми на них стульями в дальний угол и оказалась прямо перед человеком в черном. Упершись руками в стол, голосом, звенящим от ярости, она потребовала объяснений.

Человек в черном, то ли вспомнив те незабвенные времена, когда именно таким тоном к нему обращались учителя, распекая за невыполненное домашнее задание, то ли просто ошалев от подобной наглости, несколько смешался. Опустив голову под гневным взглядом Ирины

Львовны, он пробормотал, что ничего не имеет против нее и двух остальных женщин... что они могут свободно уйти... что им нужен только этот блондин.

– Ага, – подтвердил длинноволосый Амурчик, высунувшись из-за плеча черного, – очень нужен!

– Да вы знаете хотя бы, кто он такой?! – продолжала наступать Ирина Львовна, игнорируя реплику длинноволосого. – Он же всемирно известный музыкант! Немец! Вам что, международного скандала захотелось?!

Но человек в черном уже пришел в себя. Он сдвинул на кончик носа свои темные очки и в упор посмотрел на зарвавшуюся Ирину Львовну белесыми, светящимися, как у кота, глазами.

– Если, – тихо произнес он, убедившись, что Ирина Львовна вздрогнула от ужаса и отвращения, – ваш приятель такая важная персона, то где же его охрана?

– Его охрана – это мы! – выпалила Ирина Львовна в последнем приступе отчаянной смелости.

Человек в черном издал несколько звуков, которые, по-видимому, должны были изображать смех.

Между тем сражение у рояля почти закончилось. Карл отобрал кастет у последнего державшегося на ногах громилы и зашвырнул его под барную стойку. Громила некоторое время, словно в нерешительности, раскачивался на носках, а потом рухнул прямо на начавшего подавать признаки жизни Карабаса-Барабаса.

– Что же, – раздумчиво проговорил человек в черном, – придется, видимо, посылать Мансура.

Самая большая, размером с башню, тень за его спиной зашевелилась.

– Ах, Мансурчик, – всплеснув манжетами, запел длинноволосый, – ты только не бей его сильно-сильно... Может, он еще одумается...

– Ладно, – человек в черном снисходительно потрепал Амурчика по щеке, – как скажешь, шалунишка. Мансур, иди, возьми его. Но не калечить!

Башнеобразная туша быстро задвигалась к сцене, сметая все столики на своем пути. Ирина Львовна ахнула и метнулась следом, повиснув у туши на рукаве. Туша легко и небрежно взмахнула рукой, словно отгоняя надоедливую муху, и Ирина Львовна отлетела шагов на пять в сторону. Падая, она довольно сильно ударилась спиной об опрокинутый столик. Если бы не данное обстоятельство, неизвестно еще, чем закончилась бы вся эта история; но боль в спине вернула Ирине Львовне пошатнувшуюся было решительность, и вместо того, чтобы, тихо плача, покинуть с подругами это жуткое место, она подобрала валяющуюся на полу бутылку из-под шампанского и встала.

* * *

Карл, взъерошенный, слегка пошатывающийся, с ободранными костяшками пальцев и разбитой нижней губой (один из громил все-таки достал его, прежде чем упасть), но в остальном целый и невредимый, с изумлением смотрел на надвигающегося Мансура.

Зрелище действительно было впечатляющим. Казалось, не башня даже, а целый гранитный утес молча и зловеще движется по волнам темноты. По бокам утеса болтались два длинных отростка толщиной с бревно, а верхние уступы венчал круглый валун, густо поросший коричневым мхом. На передней части валуна было грубо высечено подобие человеческого лица.

Онемевшие от ужаса дамы схватились за руки и спрятались за рояль.

Карл отступил к стене и оглянулся по сторонам в поисках подходящего оружия; пол был усыпан осколками и обломками, но, к сожалению, там не было ничего достаточно тяжелого, что могло бы не то что остановить, а хотя бы затормозить продвижение этой новоявленной геологической формации.

Одно из тел, валявшихся на полу в бессознательном состоянии, внезапно очнулось и схватило Карла за ногу. Карл одним ударом кулака вернул глупое тело к прежнему блаженному бесчувствию, но было уже поздно. Мансур навис над ним, протянул свои бревнообразные руки и сомкнул пальцы на его шее.

Яростно оскалившись, Карл вцепился в запястья Мансура. Ему даже удалось их немного развести. Великан озабоченно уставился на свою жертву тусклыми маленькими глазками; он никак не ожидал подобной силы от такого небольшого и хрупкого по сравнению с ним самим человека.

– Мансур! – предостерегающе крикнул из своего угла человек в черном. Великан недовольно засопел и разогнулся, по-прежнему держа Карла за шею. Ноги Карла повисли в двадцати сантиметрах от пола.

– Он же его убьет! – простонала Татьяна Эрнестовна. – Господи, Маня, что же делать... делать-то что...

Манечка, не отвечая Татьяне Эрнестовне, лихорадочно шарила по полу среди обломков и наткнулась на нож метрдотеля – узкий, длинный и острый; видимо, он отлетел сюда, за рояль, когда Карл отправил его хозяина в полет до ближайшей стены.

Великан медленно и осторожно развернулся, словно башенный кран с ценным грузом.

– Хорошо, Мансур, – одобрил человек в черном, – а теперь неси его сюда.

Великан сделал шаг, другой, но внезапно остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду. Его пальцы разжались, и пленник свалился на пол.

За спиной великана торжествующе вскрикнула Манечка. Это она, подобравшись сзади к Мансуру, ударила ножом в ту часть его тела, которая находилась примерно на уровне ее глаз. К счастью, эта часть тела оказалась относительно мягкой, и нож проник в нее на пару сантиметров.

Такая пустяковая царапина не могла, разумеется, надолго отвлечь внимание Мансура; но пока он, изогнувшись и запустив огромную руку за спину, вытаскивал нож, перед ним оказалась бледная, дрожащая, но отважная Татьяна Эрнестовна с обломком стула в руках.

Молча, закусив губу, она размахнулась и изо всех сил врезала ножкой стула ему по...

В общем, как оказалось, несмотря на поразительное внешнее сходство с плохо обработанным гранитным обломком, Мансур был все-таки человеком, и, несомненно, мужского пола. Он согнулся пополам и рухнул на колени, так что и пол, и стены «Пещеры» содрогнулись от тяжелого удара.

Карл, тяжело дыша, растирая ноющие шейные позвонки, поднялся на ноги и замер, увидев поверженного титана и две маленькие женские фигурки рядом с ним. Он крепко зажмурился и потряс головой, решив, очевидно, что ему привиделось.

Но это было еще не все. Сбоку от Мансура выросла третья фигурка, повыше остальных, но все равно такая маленькая, такая хрупкая по сравнению с этой глыбой. Фигурка воздела руки с чем-то зеленым и продолговатым и резко опустила их на склоненную голову титана. Зазвенело бьющееся стекло, брызнули в разные стороны красивые зеленые искры; великан повалился на бок и так и застыл в скрюченной позе с прижатыми к животу коленями.

Ирина Львовна выронила горлышко бутылки из оцарапанных осколками рук и отшатнулась. Огромными, ставшими совсем темными на побелевшем лице глазами она смотрела на неподвижное тело, распростертое у ее ног. Ее замутило.

Чья-то рука обняла ее за плечи и не позволила упасть. Ирина Львовна всхлипнула и, повернувшись, уткнулась носом в грудь Карла.

– Я что... убила его? – прошептала она.

Карл покачал головой. Осторожно опустив Ирину Львовну на один из сохранившихся стульев, он нагнулся над Мансуром и приложил два пальца к его могучей шее.

– Жив, – сказал он несколько секунд спустя.

Подошла Татьяна Эрнестовна, зябко кутаясь в пиджак Карла, и села рядом с Ириной Львовной. Манечка осталась стоять среди тел, воинственно уперев руки в бока и хищно раздувая ноздри.

– А эти? – спросила она, пиная носком сапога Карабаса-Барабаса.

– Эти тоже, – сказал Карл, осмотрев остальные тела, – два-три сломанных ребра, небольшое сотрясение мозга, сломанная нижняя челюсть, – он кивнул на метрдотеля, – пустяки, в общем, и скоро они очнутся. А вот где... – Он замолчал и посмотрел в дальний угол.

Там было пусто. Никаких следов человека в черном и его длинноволосого друга.

Лишь по ступеням лестницы, ковыляя, спускался старичок-гардеробщик с ворохом их одежды в руках.

– Вам нужно уходить отсюда, – заговорил он, торопливо сваливая одежду на барную стойку, – через служебный вход. Они сели в машину и отъехали, но вам все равно лучше выйти через служебный вход. Идемте, я провожу!

– Сейчас, – сказал Карл.

Он протянул женщинам руки, и они подошли к нему.

– Спасибо, – прошептал Карл.

Старичок-домовой, открыв рот, глядел на них со смесью ужаса и восторга.

* * *

Они почти добрались до стоянки, где Карл оставил машину, когда у Татьяны Эрнестовны сломался каблук. Как назло, в этот самый момент с противоположного конца темной и безлюдной улицы послышался шум колес.

Оглянувшись по сторонам, Карл поднял на руки побледневшую Татьяну Эрнестовну и отступил с нею в тень маленькой и вонючей подворотни. Манечка и Ирина Львовна, стараясь не терять остатки боевого духа, стали рядом с ним.

Мимо них, шелестя шипованными шинами по обледенелому асфальту, медленно проехало свободное такси.

Манечка шумно выдохнула воздух, прислонилась к Карлу и закрыла глаза.

– Мария, – услышала она его голос, – у меня в кармане плаща бутылка коньяку. Достань ее и открой.

Манечка удивленно посмотрела на него.

– Скорее, – приказал он, и тут Манечка заметила, что Татьяна Эрнестовна без чувств склонила голову на его плечо, а Ирина Львовна дрожит крупной дрожью и тоже вот-вот упадет в обморок.

Глоток коньяку оказал на ослабевших дам поистине волшебное действие. Их бледные щеки порозовели, глаза заискрились, и они вновь почувствовали себя бодрыми, сильными и бесстрашными. Карл от коньяка отказался, объяснив, что ему это не нужно.

– Так-так, – сказала Манечка, смеясь и игриво грозя ему пальчиком, – а откуда же и для чего взялась эта бутылка?

– На всякий случай, – объяснил Карл, – я прихватил ее в баре, когда мы уходили.

– Да-да, – вспомнила Ирина Львовна, – ты еще оставил этому старику кучу денег и велел вызвать полицию и «Скорую»!

– Верно, – сказал Карл, – но я до сих пор почему-то не слышу полицейских сирен...

Дамы переглянулись и пожали плечами.

– Ладно, пошли отсюда, – решительно сказала Ирина Львовна, – Татьяна, слезай, имей совесть!

– Я же не смогу так идти! – запротестовала Татьяна Эрнестовна.

– Сможешь, – усмехнулась Ирина Львовна, – надо просто взять и отломать второй каблук.

Десять минут спустя они уже сидели в теплой, мягкой, уютной, невыразимо приятной после всего пережитого полутьме автомобиля и молча смотрели, как присыпанная свежим снегом дорога, пустынная и серебристая в свете появившейся из-за облаков луны, ложится им под колеса. Никто не ехал следом за ними, никто не пытался их догнать и остановить.

Убаюканные ровным, плавным ходом машины и растущим ощущением безопасности, Ирина Львовна и Татьяна Эрнестовна крепко уснули. Манечка, сидевшая на переднем сиденье рядом с Карлом, была беспокойна: вертелась, бормотала что-то с закрытыми глазами, а иногда и вскрикивала; тогда Карл, не отвлекаясь от дороги, осторожно гладил ее по растрепанным черным волосам, и она на какое-то время затихала.

Перед самым въездом в город, как обычно, ремонтировали мост. Карл притормозил, объезжая брошенный здесь еще с осени бульдозер с лопнувшей гусеницей, и пропустил встречную машину. Каким бы легким и плавным ни было торможение, Манечка почувствовала его и пробудилась.

Воровато оглянувшись назад, на мирно посапывающих старших женщин, она обняла Карла за шею, притянула к себе и поцеловала в твердую бронзовую щеку.

Машина вильнула. Карл мягко высвободился из Манечкиных рук, повернул машину влево и прямо через кусты съехал с дороги на какой-то пустырь.

– А мы что, уже приехали? – зевая, спросила сзади Татьяна Эрнестовна.

– Почти, – сказал Карл, – я остановился здесь, потому что должен кое-что вам сказать.

Манечка прижала руку к груди. Татьяна Эрнестовна нервно улыбнулась.

Ирина Львовна, вздохнув, протерла глаза.

– Ты хочешь нам сказать, что ты женат? – спросила она будничным тоном.

– Нет, – сказал Карл, – я не женат.

Манечка радостно взвизгнула. Татьяна Эрнестовна перевела дух и хотела что-то сказать, но Ирина Львовна властно перебила ее:

– Подожди, Таня! Раз уж мы здесь остановились, то давайте выясним все раз и навсегда.

Карл, ты ответишь еще на один вопрос?

– Да, – сказал Карл.

– У тебя нет жены, но есть женщина, которую... о которой ты все время думаешь?

Карл, помедлив, кивнул.

– Спасибо за то, что был с нами честен, – сказала Ирина Львовна, не обращая внимания на упрямо поджавшую губы Манечку и взволнованную Татьяну Эрнестовну, – а теперь, я думаю, нам и в самом деле пора по домам.

И она потянулась к ручке дверцы.

– Ирина, – сказал Карл спокойно, – останься.

И Ирина Львовна осталась.

– Мне приходилось драться, защищая женщин, – сказал Карл, обводя их взглядом, – но еще не было случая, чтобы женщины дрались, защищая меня. Я ваш должник, отныне и навсегда. За этот вечер вы стали мне ближе, чем родные сестры, которых у меня никогда не было. Отныне и навсегда, что бы ни случилось, мой дом открыт для вас и... для ваших семей, – добавил он после небольшой паузы.

– А у нас нет семей, – грустно сказала Татьяна Эрнестовна, – только у Манечки есть Лешка.

– Лешка – это мой сын, – быстро уточнила Манечка.

– Сестры, значит, – задумчиво повторила Ирина Львовна.

– Да, – сказал Карл.

Спустя еще несколько минут они стояли перед домом, где жила Татьяна Эрнестовна, и прощались. Они сказали Карлу, что хотят еще немного побыть вместе и что ему не нужно

проводить домой каждую из них. Карл сел в машину и уехал, а они стояли и смотрели, как предрассветная метель заметает следы колес.

А потом они поднялись в квартиру Татьяны Эрнестовны и решили выпить кофе с коньяком – бутылка-то осталась у Манечки.

– Нет, ну какая была драка! – возбужденно говорила Манечка, устроившись на пушистом ковре перед электрическим камином. – Как он его... А тот прямо в стенку... Девочки, я такое только в кино видела!

– Да уж, – согласилась Ирина Львовна, – да ты и сама была хороша... Как ты его – ножом в задницу!

– А ты его бутылкой – хрясь!

– А Танечка-то наша, Танечка... Вот уж от кого не ожидали...

– Да ладно вам, – смущенно отозвалась Татьяна Эрнестовна, – а вот что будет, если эти бандиты начнут нас искать...

Дамы помолчали. Было так тепло, и уютно, и хорошо, и кофе был горячий и вкусный, и коньяк – такой бархатистый и мягкий; и вечер, что ни говори, выдался замечательный, хотя и не совсем такой, как предполагалось... в общем, им совершенно не хотелось сейчас чего-либо пугаться.

– Нас они искать не станут, – сказала наконец Ирина Львовна, – возможно, они станут искать Карла. Но наша школа – это последнее место, где они станут его искать.

– Да, это ты верно заметила, – улыбнулась Татьяна Эрнестовна.

– К тому же, – добавила Ирина Львовна, широко зевнув, – я сказала им, что он – музыкант.

– И они поверили?

– А с какой же стати – нет?

– Да, – сказала Манечка мечтательно, – все-то он знает, все-то он умеет... До чего все-таки обидно, что у него кто-то есть! Немка какая-нибудь долговязая...

– А ты, Маня, взгляни на это с другой стороны, – посоветовала Ирина Львовна, устраиваясь на диване, – сколько у него было и будет женщин, а сестра – это навсегда. Летом съездишь с Лешкой к нему в Цюрих. Лешка-то, кстати, как? Одного, что ли, оставила на ночь?

– Не, я его к Верке отправила до завтра... то есть уже до сегодня. Думала, а вдруг не одна вернусь...

– Все так думали, – рассеянно ответила Ирина Львовна, поворачиваясь на другой бок. Татьяна Эрнестовна давно уже спала.

– Сестра... Ну, это мы еще посмотрим, – прошептала Манечка, глядя в камин упрямыми черными глазами.

* * *

В ночь с субботы на воскресенье Аделаида спала плохо. Снова мучили дурные сны, видения каких-то бесконечных подвалов, сырых, темных и холодных; пустых, но тем не менее страшных, и страшных прежде всего тем, что из них не было никакого выхода, и она обречена была всю жизнь блуждать в их пустоте и одиночестве.

Часа в три ночи ее разбудил муж, недовольный тем, что она все стонет, мечется по кровати и мешает ему заснуть. Аделаида молча взяла свою подушку и плед и пошла спать на диван в гостиную.

Там ей почти сразу же стало легче – то ли из-за более чистого и свежего воздуха, то ли оттого, что растущая луна не светила в окна гостиной белым прожекторным светом. И снов больше не было до самого рассвета, ни дурных, ни хороших, а было ощущение покоя, легкости и какой-то странной свободы, словно только что она дочитала последнюю страницу очень

толстой, очень серьезной, очень нужной, но скучно и тяжело написанной книги, со вздохом облегчения захлопнула тяжелый переплет, и последнее, что ей оставалось сделать, – засунуть эту книгу подальше на полку и забыть о ней навсегда.

Утром, готовя мужу завтрак, Аделаида наткнулась на свои таблетки от мигрени, неизвестно каким образом оказавшиеся в хлебнице, и только тогда вспомнила, что уже четвертый день у нее совершенно не болит голова и не ломит затылок.

После завтрака муж отбыл в музей, объявив, что у него там встреча с аспирантами. Квартира была убрана еще накануне, белье выстирано и переглажено, обед приготовлен; воскресенье неожиданно оказалось свободным и полностью предоставленным в распоряжение Аделаиды.

Некоторое время Аделаида празднично бродила по квартире, не зная, чем заняться, прикасалась к сложенным и развешанным в идеальном порядке вещам, слушала тишину в доме и капель на улице, которую разбудило медленно выползающее из-за соседнего дома солнце.

Солнечный луч, отразившись в зеркале платяного шкафа, уколол Аделаиду в глаз. Она вздрогнула и провела рукой перед глазами, словно прогоняя пляшущие в солнечном свете паутинки-мысли.

Потом решительно распахнула дверцу шкафа и воззрилась на содержимое своей половины. Там все было удобное, практичное, ноское, не привлекающее к себе излишнего внимания и в то же время солидное, достойное дамы ее возраста и положения в обществе, – темные костюмы с юбками надлежащей длины, закрытые блузки, жакеты, платья и несколько пар приличного фасона брюк.

Аделаида недогнувшей рукой сдвинула в сторону всю эту однородную массу. За ней, внизу, оказалась аккуратно сложенная стопка «гражданской» одежды.

Оттуда Аделаида извлекла джинсы (купленные лет пять назад, но почти не ношенные) и тонкий свободный свитер верблюжьей шерсти, с геометрическим рисунком на светло-голубом фоне. Надев все это, не без душевного трепета взглянула она на свое отражение и, не удержавшись, тихо присвистнула сквозь зубы (дурная привычка, от которой она много лет пыталась отучиться, но безуспешно).

В зеркале перед ней стояла высокая статная женщина с несколько отяжелевшей, но все еще очень привлекательной фигурой; на бледном овальном лице мягко светились большие светло-серые глаза; на плечах лежала волна пепельных волос, освобожденных от тирании заколок и шпилек, все еще пышных и густых, лишь слегка тронутых серебром у висков и у высокого гладкого лба.

«Это что же... я?» – спросила Аделаида, глядя на длинные ноги отражения. Отражение усмехнулось, пожало плечами и засунуло руки в карманы джинсов. В кармане обнаружилась сложенная вчетверо бумажка. Аделаида развернула ее – оказалось приглашение на грандиозную весеннюю распродажу – пятилетней, правда, давности.

Две минуты спустя, забрав всю имеющуюся в доме наличность, Аделаида стремительно шагала по освещенной солнцем улице в сторону торгового центра.

На улицах, во дворах и подворотнях гремела совершенно разошедшаяся капель. В бирюзовых лужах кувыркались и восторженно вопили воробьи. Осколки битого стекла у винного магазина на углу Главного проспекта и улицы Гражданского Согласия (бывшей Красноармейской) лучились чистым бриллиантовым светом. Граждане, ошалевшие от внезапно нахлынувшего солнца, неуверенно толклись у расцветших весенними красками витрин.

Внутри торгового центра было тесно, шумно и многолюдно. Аделаида, проблуждав полчаса в кружевных лабиринтах отдела женского белья, вышла оттуда с нетронутым кошельком, но с трепещущим сердцем. Стайка молодежи у нового обувного павильона, примерявшая модные сапоги, дружно поздоровалась с нею. Аделаида смущенно кивнула и поспешила подняться на второй этаж.

Там, посредине пустого, не полностью еще занятого прилавками пространства возвышался безголовый женский манекен, облаченный в легкое и изящное весеннее пальто.

Оно было цвета предрассветного неба, цвета тумана, цвета глаз Аделаиды; оно загадочно мерцало и переливалось жемчужным блеском в мощных лучах солнца, пробивших себе дорогу сквозь пыльные окна.

Аделаида протянула руку и робко дотронулась до мерцающего чуда. Ткань оказалась мягкой и шелковистой на ощупь, теплой, льнувшей к рукам, словно кошка, ждущая, чтобы ее погладили.

– Хотите примерить? – за спиной Аделаиды возникла девушка-продавец с равнодушным взглядом. Ее челюсть равномерно двигалась, перегоняя из стороны в сторону комочек вишневой, судя по запаху, жвачки; ее глаза были устремлены на какую-то точку за левым Аделаидиным ухом.

– Да, – сказала Аделаида, удивляясь самой себе, – хочу. Только это, наверное, не мой размер. Вы мне дайте пятидесятый.

Девушка удалилась. Аделаида зашла в примерочную и с удовольствием скинула тяжелую и влажную от капли дубленку.

Девушка принесла пальто. Аделаида приняла дивную вещь дрожащими от волнения руками и медленно, осторожно облачилась в нее. Ткань легла ей на плечи теплой и ласковой тяжестью, словно любящая рука. Аделаида сжала тонкими нервными пальцами мягкий круглый воротник, отделанный серебристым мехом, и прищурилась на свое отражение.

– А вам идет, Аделаида Максимовна, – услышала она сзади знакомый голос и быстро обернулась. Она, оказывается, забыла задернуть занавеску, и покупатели, шедшие мимо, к лестнице, бросали на нее любопытные взгляды. Сбоку от примерочной стояла нагруженная сумками и пакетами завхоз и смотрела на свою начальницу с веселым удивлением.

– Вы так думаете, Екатерина Алексеевна? – недоверчиво спросила Аделаида, потуже затягивая пояс и поворачиваясь боком к зеркалу. – А вот сзади вроде бы морщит...

Завхоз энергично замотала головой.

– Беру, – решила Аделаида. – Сколько?

Девушка сказала, сколько. Аделаида ахнула и вежливо попросила повторить. Девушка повторила.

– Завтра зарплата, Аделаида Максимовна, – тихо шепнула Аделаиде завхоз, косясь на презрительно поджавшую губы продавщицу, – а вещь действительно хорошая. Как на вас сшита.

Несколько минут спустя обе дамы неторопливо и с достоинством покинули торговый центр. Вещь была надежно упакована в три слоя шелковой бумаги, уложена в коробку и даже перевязана ленточкой. Аделаида, впрочем, сразу же убрала яркую и привлекающую внимание коробку в большой пластиковый пакет, немилосердно измяв при этом красивые ленточные банты.

– Теперь вам потребуется новая сумка и сапоги, – улыбаясь, заметила завхоз, когда они вышли на улицу.

– Да, действительно, – озабоченно отозвалась Аделаида, посмотрев на свои ноги в старых, разношенных, таких привычных и удобных ботинках на толстой подошве. С джинсами и дубленкой они еще смотрелись, и очень даже неплохо, но вот новое пальто определенно требовало чего-то более изящного. Тут же Аделаиде вспомнились те самые серые кожаные сапожки на высоких каблуках, которыми она любовалась в пятницу в ожидании дочери. Как же они были хороши! Правда, дочь тогда сказала... Да и цена... Но все же, как они были хороши и как изумительно они подошли бы к новому пальто!

– А... зарплата в самом деле будет завтра? – осторожно спросила Аделаида.

Завхоз пожалла плечами.

– Как обычно, дадут лишь часть денег, – скучным голосом ответила она, – но вам-то не о чем беспокоиться. Вам, Аделаида Максимовна, зарплата будет в любом случае.

– Нет, – сказала Аделаида тихо, – я так не могу. Я, Екатерина Алексеевна, получу свои деньги только вместе со всеми сотрудниками. Составьте список наиболее нуждающихся и завтра выдайте им в первую очередь.

Завхоз внимательно посмотрела на Аделаиду.

– Будь по-вашему, – так же тихо ответила она.

В молчании дошли они до перекрестка. Налево дорога уводила к парку, музею и железнодорожной станции, направо – к городской гостинице «Серебряное озеро».

– Мне направо, – сказала завхоз, – сегодня моя невестка дежурит в гостинице, навещу ее, посмотрю, что да как.

– Сейчас, наверное, у нее не так уж много работы, – отозвалась Аделаида, соображая, как бы половчее задать интересующий ее вопрос.

– Да, – согласилась завхоз, – во всем втором этаже живут только делегаты поэтического съезда... как их там... «Северное братство», кажется, пара налоговиков из центра и наш гость.

– А, он, стало быть, тоже в «Серебряном озере» остановился? – ровным голосом спросила Аделаида.

– Ну а где же ему еще быть, – удивилась завхоз, – не в общежитии же пищевого института. Там и живет, в номере люкс.

– А разве в «Серебряном озере» есть номера люкс? – осторожно спросила Аделаида.

– Как вам сказать, – усмехнулась завхоз, – вообще-то это обычный одноместный номер, но... за небольшую дополнительную плату постояльца не будут беспокоить по ночам предложениями различных услуг.

– Ловко! – восхитилась Аделаида.

– Да, – согласилась завхоз, перекладывая сумки из одной руки в другую, – может быть, пройдется со мной до гостиницы?

– Н-нет, пожалуй, – отказалась Аделаида, пряча глаза, – я собиралась зайти к мужу в музей...

– А, ну тогда до завтра! – попрощалась завхоз.

Аделаида некоторое время смотрела ей вслед, как она идет со своими сумками, уверенно, спокойно, неторопливо огибая лужи, и сразу всем становится ясно – это сильная, уверенная в себе женщина, не знающая сомнений и колебаний, живущая той жизнью, которую сама себе выбрала и построила, и на душе у нее спокойно, и все у нее идет так, как нужно ей.

А она? Отчего это вдруг она отказалась проводить завхоза? Ей ведь всегда было так приятно и интересно беседовать с этой замечательной женщиной. И с какой стати она обманула ее, сказав, что собирается зайти к мужу? А, ну да, конечно, музей. Надо договориться насчет экскурсии для нашего иностранца. Для господина директора лица, который не нуждается в различных услугах. А в чем, интересно, он нуждается? Господи, о чем это я думаю...

Домой, сказала Аделаида решительно, немедленно домой; слишком много народу вокруг, и почему-то кажется, что все на нее смотрят и все читают ее мысли, пылающими буквами отпечатанные на лбу.

Дома, в пустоте и прохладе своих тщательно убранных комнат, ей стало гораздо спокойнее. Она снова примерила пальто (завхоз была права, сидит идеально!) и окончательно убедилась в том, что вся ее старая обувь совершенно к нему не подходит... как и сумка... как и перчатки. Пересчитав оставшиеся деньги, Аделаида грустно вздохнула. С мечтой явиться завтра же в новых вещах приходилось расстаться. Занять у кого-нибудь? Попросить, чтобы у кого-нибудь занял муж? Невозможно. Она *никогда* так не делала. И не собирается делать. Ни при каких обстоятельствах. На тряпки – никогда.

Пришел муж, озабоченный и чем-то недовольный. К сообщению Аделаиды о покупке нового пальто отнесся великодушно («правильно, давно пора»), но без особого интереса. Цену тоже воспринял спокойно, и вообще было заметно, что он где-то далеко.

Так они и поужинали – каждый в своих мыслях.

После ужина Аделаида аккуратно закутала пальто в старую простыню, привязала к вешалке мешочек с лавандой – от моли – и повесила его в стенной шкаф.

* * *

Понедельник – он понедельник и есть, даже если это последний понедельник перед каникулами. Почему-то именно последние дни третьей четверти всегда бывают особенно тяжелы, и не только из-за неизбежных контрольных и повышенной придирчивости учителей. В середине марта, как правило, после долгого зимнего сна под набитыми снегом тучами начинает являться солнце, а когда солнце играет в школьном окне и золотит волосы сидящих впереди девочек... В общем, вы понимаете.

По утрам в понедельник у 9-го «А» физкультура. Лыжи. Снега в городе почти не осталось, но в парке еще есть, и физрук безжалостно гонит угрюмый и невыспавшийся класс на главную аллею, прямую и длинную, испещренную следами лыж и собачьими отметками.

Недовольно ворча и оскальзываясь на рыхлом грязном снегу, класс становится на лыжи. Физрук уже в двадцати метрах впереди, демонстрирует классический коньковый ход в сложных погодных условиях. Класс постепенно вытягивается следом в медленно ползущую колонну. В арьергарде колонны, как всегда, Саша Горчаков с приятелем, оба зевающие, хмурые, засидевшиеся вчера далеко за полночь за новой компьютерной рубиловкой.

Впереди Саши, но ненамного, в пределах видимости и слышимости, бредут, лениво переставляя свои стройные ножки, две закадычные подруги – Дашка Лыкова и Настя Ягужинская. Легкий ветер играет длинными золотистыми волосами Насти, выбившимися из-под голубой лыжной шапочки, и от этого зрелища у Саши сладко замирает сердце. Девчонки, по своему обыкновению, тихо хихикают над чем-то и не обращают ни малейшего внимания на устремленные им в затылок мужские взгляды.

Так бы идти и идти себе не спеша, до самого конца аллеи, до деревянного терема музея, а там укрыться от ветра и бдительного ока физрука за мощными бревенчатыми стенами да спокойно выкурить сигаретку-другую, пока он будет гонять остальных по поляне. Так ведь нет же – физрук останавливается посередине, явно имея намерение пропустить класс вперед и понаблюдать за их техникой.

Саша вытянул голову и с тоской посмотрел вдаль. До спасительных стен музея оставалось еще порядочно; семь потов сойдет, если двигать туда этим дурацким коньковым ходом, да еще по вязкому снегу. И тут он увидел, что навстречу по аллее кто-то бежит – причем так легко, быстро и уверенно, словно под ногами у него не рыхлая снежная каша с коричневыми пятнами известно чего, а вылизанная тартановая дорожка стадиона международного класса. Длинный, белобрысый, в стильном спортивном костюмчике, морда загорелая – ба, да ведь это же наш немец! Девки, стервы, вытаращились на него, все, как одна, и Анастасия, звезда моя небесная, туда же... Немец между тем притормозил возле Андрея Палыча, зубы оскалил, по своему обыкновению, и руку ему протягивает. Ну, Андрей Палыч руку-то ему пожал, но с должной хмуростью, и сразу же отвернулся – некогда мне, мол, тут с тобой.

Немец – тот ничего, кивнул, ладно, мол, увидимся, и пошел себе отмахивать дальше. И ведь что удивительно: пронесся мимо на всех парах, а дух от него свежий, и вроде бы травами какими-то пахнет. Девчонки всполошились, заорали вслед:

– Карл Генрихович, а вы на урок к нам придете?

Тут уж Саша не выдержал – плюнул; да еще от душевного расстройства наехал на собственную палку и чуть не лег носом в снег. Спасибо другу Сереге – за шиворот удержал.

– Навалять бы ему хорошенько, – помечтал Саша, оглянувшись.

– Как же, навалял один такой, – усмехнулся друг, – ты его руки видел?

– А что? – удивился Саша. – Руки как руки, ничего особенного...

– У него же кулаки ободранные, – объяснил наблюдательный Серега, – а на роже, заметь, ни царапины.

Они миновали неподвижно стоявшего физрука.

– Ну и что, подумаешь, – сказал Саша громко, – а вот наш Андрей Палыч его бы в два счета сделал!

– Разговорчики! – осадил их Андрей Палыч, но беззлобно, порядка ради, и на душе у Саши малость полегчало. Трех кругов по поляне, впрочем, избежать не удалось, и в школу они с другом вернулись взмыленные, что твои лошади.

На литературе приходили в себя после лыж, а дальше должен был быть английский. На большой перемене Саша сходил в столовую, сел за столик подальше от Насти, в гордом одиночестве выпил стакан чаю и съел сладкий пирожок. После чего, неприступный и суровый, отвернув голову, прошествовал мимо хихикающих девочек к выходу.

До звонка оставалось еще десять минут, и в кабинете иностранных языков никого не было. Саша сел за заднюю парту у окна и приготовился немного вздремнуть, как вдруг дверь распахнулась, и в кабинет ввалился немец под руку с Воблой. Саша аж заморгал от изумления. И мысли его пошли примерно так...

...Воблу сегодня было не узнать – глаза зеленые, яркие, на впалых щеках – румянец, кофточка какая-то легкомысленная, чуть ли не с вырезом, а главное – улыбается. Это ж надо, я думал, сто лет проживу, не увижу, как Вобла улыбается, а у нее, оказывается, и зубы белые, ровные, и вообще лицо почти как у нормальной женщины. Ну, меня увидела, гримасу скорчила недовольную, ты, говорит, чего здесь, звонка, говорит, еще не было; а немец за меня вступился – пусть, мол, остается человек, поможет мне к уроку подготовиться. И сразу же, разрешения моего не спросив, подходит и садится за парту рядом со мной. Мне, говорит, надо у вас урок провести, и хочу я, говорит, чтобы интересно было не только мне; вот вам, говорит, уважаемый мистер, о чем хотелось бы по-английски побеседовать? Ну и все такое, в том же духе. Он, значит, мне вопросы свои задает, а я молчу, жду, может, надоест ему, что я молчу, и отстанет он от меня подобру-поздорову... Тоже мне, эксперта по английскому нашел! Да я, может, только несколько слов по-английски и знаю, и из тех два нецензурных. Смотрю я это на него и думаю: а ведь прав был друг Серега, такому не наваляешь, такой сам кому хочешь наваляет. Кулаки у него в самом деле в ссадинах, но уже подживают, а рожа гладкая, только нижняя губа вроде бы припухла. Глаза веселые, и плевать ему, что я тут его игнорирую. И вдруг он ко мне придвигается и шепотом, заговорщически так, спрашивает:

– Что, с девушкой проблемы?

(Саша отшатнулся от бесцеремонного немца и густо покраснел. Немец встал, по плечу его легонько похлопал и отошел наконец к учительскому столу, к Вобле и прочим училкам, которые за это время успели в класс набиться. Штук восемь их, не меньше, и еще валят, того и гляди ученикам сесть негде будет. Со звонком и директорша явилась, тихо проскользнула в дальний угол и устроилась там за фикусом.)

...Не, ребята, я такого урока в жизни своей не видел и вряд ли еще когда увижу. А жаль. Я под конец даже что-то понимать стал, особенно когда он про Шекспира рассказывал и эту... как ее... графиню N, в общем. Молодая была, богатая, красивая – страсть. Шекспир, оказывается, ее своими сонетами покорила, влюбил в себя, да так, что она его потом всю свою жизнь помнила.

Прочитал он нам пару сонетов (красиво, конечно; мне Серега шепотом переводил) и спрашивает – как, мол, нравится? А чего спрашивать – у девочек глаза на мокром месте,

училки вздыхают и перешептываются, парни пребывают в растерянности – это же уметь надо, мы же вам не Шекспир.

А он лукаво так ухмыляется и говорит: а вы все-таки попробуйте. Тут, говорит, важно не поэтическое дарование, а сила чувства. Если, говорит, вам кто-то действительно нравится, если вы о ком-то все время думаете, если этот кто-то вам по ночам снится – не молчите, скажите ей об этом, слова найдутся, хоть на русском, хоть на английском, хоть на каком... Да, вот тут я и задумался – может, зря я столько времени дурака валял? Вон Серега – уже строчит что-то в тетрадке, ему хорошо, у него по литературе четверка, а по английскому и вовсе «пять». А я? Что я могу ей сказать? Настя, ты самая клевая телка и я от тебя тащусь? Отвернется презрительно, носик свой изящный наморщит... и правильно сделает, между прочим. И, выходит, зря я утром на немца разозлился. Девки к нему, конечно, льнут по-всякому, только он на это без внимания. Грамотно себя ведет, держит дистанцию. Незаметно так, без обид, играючи, но держит. Я бы так нипочем не смог. Если бы за передней партой, прямо передо мной, Настя сидела, глазки свои голубые на меня устремив, я бы не то что английский – родной язык позабыл бы напрочь. Ну а немцу это, видать, нипочем, он если и глядел куда с особым вниманием, так это на фикус, за которым директорша пряталась...

* * *

После урока Саша скрылся ото всех в укромное место под боковой лестницей, вытащил из рюкзака мобильный телефон и, оглянувшись по сторонам, набрал номер отца.

– Пап, слушай, – заговорил он приглушенно, – а у нас дома Шекспир есть?

В трубке некоторое время озадаченно молчали, потом забубнили что-то виноватое.

– Вот так всегда, – сердито отозвался Саша, – самого нужного – нету.

Он выключил телефон и не спеша побрел на верхний этаж, в библиотеку.

* * *

Очередь за зарплатой, выстроившаяся в перерыве между сменами у кабинета завхоза, была не на шутку удивлена и заинтригована тем, что секретарша, немка и старшая англичанка, стоявшие в середине, вдруг оказались в большой дружбе между собой. Они вполголоса, но очень оживленно обсуждали что-то, они обращались друг к другу на «ты», они улыбались друг другу и даже держались за руки.

Хвост очереди, по традиции настроенный скептически (денег на всех не хватит, дадут только начальству да подхалимам-любимчикам!), высказал предположение, что этой троице каким-то образом удалось попасть в число любимчиков и вот теперь они даже не считают нужным это скрывать.

Голова очереди, состоящая из завучей и двух-трех старейших педагогов, вела солидную, сдержанную беседу о погоде и делала вид, что ее это вовсе не интересует, но на самом деле прислушивалась к приглушенным репликам и смешкам, раздающимся сзади.

К сожалению, ничего внятного расслышать так и не удалось – пришла повар Алиса, бесцеремонно влезла вперед, мотивируя тем, что у нее что-то там стогорит на плите, да еще стала жаловаться, что гость привередничает, ничего у нее не ест и вообще в столовую больше не заходит. Пока Алису усмиряли, уговаривали и утешали, пока обещали сегодня же привести к ней упряма, дверь открылась, и завхоз начала выдачу денег.

По одному, на цыпочках, в благоговейном молчании (в такие минуты завхоз не терпела ни малейшего шума) педагоги заходили в кабинет, осторожно прикрывали за собой дверь и усаживались на краешек стула.

Указательный палец завхоза неторопливо скользил по лиловым строкам ведомости, отыскивая фамилию претендентки, в то время как претендентка, затаив дыхание, пыталась прочесть свое будущее по круглому, с узкими раскосыми глазами, непроницаемому лику судьбы.

Сегодня судьба была благосклонна ко всем, кроме хвоста очереди, который сначала с горьким удовлетворением отметил всю правоту своих ожиданий, а затем устремился к директору – разбираться. Манечка в приемной сделала страшные глаза и замахала на них рукой. Дверь в директорский кабинет, против обыкновения, была плотно закрыта. Поворчав немного и выпив полграфина воды для посетителей, хвост разошелся по своим рабочим местам.

Изнывая от любопытства, Манечка вновь припнула ухом к двери, но тщетно – старой закалки дерматин совершенно не пропускал звуков. «Сходить, что ли, в медкабинет за стетоскопом?» – подумала Манечка.

Но тут в приемную вошли сестры. Они уже были полностью одеты и с сумками в руках.

– Они там закрылись, и я ничего не слышу, – пожаловалась Манечка.

– И давно? – поинтересовалась Ирина Львовна, усаживаясь в Манекино крутящееся кресло. Татьяна Эрнестовна, недоверчиво подняв выщипанные в ниточку брови, осмотрела дверь и зачем-то потрогала ее.

– Давно, – вздохнула Манечка.

– Ну ладно, подождем, – решила Ирина Львовна.

Она медленно достала из сумки толстенную яркую книжечку с английским флагом на обложке и победоносно посмотрела на сестер.

– Ира! – восхитилась Татьяна Эрнестовна. – Это то, что я думаю?

– Оксфордский толковый словарь английского языка, последнее издание, – объяснила Ирина Львовна простодушно хлопающей ресницами Манечке, – я теперь смогу всерьез взяться за Кипплинга! Что за Кипплинга, за самого Оскара нашего Уайльда возьмусь! Ты, Маня, простая душа, не понимаешь, что это за словарь! За такой словарь любой тебе переводчик последние деньги отдаст, не раздумывая, в долги влезет, от себя оторвет, а словарь этот купит! Если б он еще у нас продавался!

– Ну, хорошо, хорошо, – пробормотала Манечка, смущенная столь эмоциональным выступлением по поводу какой-то книжки, – мы с Таней за тебя очень рады. Танечка, а тебе он что подарил?

Татьяна Эрнестовна зарделась от удовольствия. Не спеша и очень осторожно она вытащила из бумажного пакета каталог модной одежды «Отто», на русском языке, с адресами московского и питерского филиалов фирмы, бланками заказов, объявлениями о скидках и различных призах и прочими, как выразилась Манечка, прибаутками.

Они вполголоса, но очень оживленно обсуждали что-то, они обращались друг к другу на «ты», они улыбались друг другу и даже держались за руки.

– Я тут кое-что уже присмотрела, – скромно опустив глазки, сообщила Татьяна Эрнестовна, – ну и вы, конечно, тоже можете воспользоваться.

– Ну а мне, – заторопилась Манечка, то ли услышав, то ли угадав некое движение за дверью, – мне он подарил... Угадайте, что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.